

Н. Н. ВОРОНЦОВ

С «ГРИНПИСОМ» К МУРУРОА*

В начале марта 1992 года я вернулся в холодную Москву из городка Белладжио, примостившегося у подножья Итальянских Альп. В Белладжио уже слепило весеннее солнце, цвели первые цветы, в перерывах между заседаниями ученые прогуливались по прекрасному парку, и казалось, что тяжелые проблемы экологии существуют где-то помимо нас. Однако на подходах к чистому на первый взгляд озеру Комо нас встречали щиты с предостерегающими надписями: «Озеро загрязнено. Купаться нельзя!» Здесь, в Рокфеллеровском центре, проходил международный симпозиум, на котором я выступил с часовым докладом об экологических проблемах теперь уже бывшего СССР. Среди прочего я говорил и о радиоактивном заражении страны вследствие как ядерных катастроф, так и испытаний атомного оружия.

Последний подземный ядерный взрыв на Новой Земле прогремел 24 октября 1990 года. Энергичные протесты, начало которым положили заявления Коллегии Госкомприроды СССР, принятое утром 25 октября, мое выступление на сессии Верховного Совета РСФСР в тот же день, а также обсуждение этого вопроса на заседании Верховного Совета СССР 29 октября, привели к тому, что в течение последующего года ядерные испытания в стране не проводились, хотя и без объявления моратория. А в октябре 1991 года Ельцин объявил годичный мораторий на ядерные испытания в России. Для меня, однако, было очевидно, что если другие ядерные страны не присоединятся к российскому мораторию, то наши проядерные силы получат веский довод в пользу возобновления ядерных испытаний. И в своем докладе на симпозиуме в Белладжио, и в его кулуарах я пытался аргументировать важность поддержки российского моратория. Симпозиум был невелик по числу участников, но среди них были лица, влиятельные в эколого-политических кругах, — например, министр экологии Бельгии (в то время «страны-хозяйки» Европейского сообщества) и профессор Гарвардского университета Юджин Скольникофф, в прошлом советник президентов Картера и Рейгана по проблемам окружающей среды.

Это была моя первая за последние два с половиной года поездка на экологическое совещание в качестве не министра, а ученого. В марте 1989 года неожиданно для себя я был избран народным депутатом СССР, а за этим

* Публикация подготовлена по материалам из личного архива Н. Н. Воронцова, любезно предоставленным нашему журналу Е. А. Ляпуновой. Редакция благодарна российскому отделению «Гринпис» за фотоиллюстрации.

последовала не меньшая неожиданность: 3 августа 1989 года Верховный Совет СССР избрал меня председателем Госкомитета по охране природы. В феврале 1991 года наша Госкомприрода была реорганизована в Министерство природопользования и окружающей среды, и по представлению М. С. Горбачева я был назначен министром в кабинете, возглавляемом В. С. Павловым.

В таком качестве я встретил август 1991 года и оставался союзным министром до Беловежского соглашения и отставки Горбачева в декабре того же года. Я был абсолютно убежден в том, что экологические проблемы не имеют границ, и надеялся на сохранение в рамках СНГ объединяющей экологической структуры, подобной той, которая существует для стран ЕС. Однако я был наивен. Вскоре в нашей политике стали доминировать процессы размежевания. Дележу Черноморского флота стали уделять больше внимания, чем общим для России и Украины (а также Белоруссии) проблемам Чернобыля. Вчерашние коммунисты-интернационалисты начали разыгрывать национал-патриотические игры; вчерашние идеологи централизованной экономики немедленно перекрасились в рыночников; вчерашние партсекретари стали бороться за абсолютный суверенитет своих территорий. Говорить с этими людьми о единстве биосферы планеты, о едином экологическом пространстве Северной Евразии было бессмысленно...

* * *

Перед поездкой в Италию я подлечивался в больнице. В эти дни к нам домой позвонила из Лондона представительница международной организации «Гринпис» Флориана Фоссато. Она спросила у моей жены, Елены Алексеевны Ляпуновой, не соглашусь ли я принять участие в их очередной антиядерной акции. Жена сказала, что ответить за меня не может, но, зная о моих симпатиях к «Гринпису», думает, что я — теперь достаточно свободный человек — скорее всего соглашусь. Слышно было плохо, и Елена Алексеевна поняла, что корабль «Гринписа» пойдет к острову Майорка. Я был в недоумении: почему местом очередной акции выбрана именно Майорка, главный из Балеарских островов? Впрочем, я вспомнил, что где-то в этих краях несколько лет тому назад американский бомбардировщик «потерял» атомную бомбу, и решил, что выбор места связан именно с этим, мягко выражаясь, «инцидентом».

Через день Флориана опять позвонила к нам домой и спросила: какова моя реакция?

— Вы же знаете, что он вам симпатизирует, — ответила Елена Алексеевна и добавила:

— Вот только он не совсем понял, почему Балеарские острова?

— Какие Балеарские острова?

— Вы как будто говорили о Майорке?

— Да не Майорка, а Муруроа.

Оказалось, что речь идет об очередной акции во Французской Полинезии на местах ядерных испытаний. И уже в феврале, когда я вернулся из больни-

цы, в Москву прилетела интернациональная группа «Гринписа». В нее входили немец Герд Лейпольд, англичанин Джон Спрэндж и итальянка Флориана Фоссато (блестяще знающая русский, а также французский, английский, немецкий и многие другие языки). Они рассказали о своих планах.

Как известно, против французских ядерных испытаний «Гринпис» протестовал не раз. Дело дошло до того, что во время одной из их акций протеста, 10 июля 1985 года, французские спецслужбы в Новой Зеландии организовали взрыв на принадлежавшем «Гринпису» судне «Рэйнбоу Уорриор». Взрыв был запланирован на время заседания участников акции, которое должно было происходить на корабле. Но в последний момент многочленное заседание решили провести в отеле, и на борту остался только фотограф — португалец Перейра. Взрыв на корабле и его гибель вызвали огромный международный скандал, закончившийся отставкой военного министра Франции Эрню и шефа французской разведки адмирала Лакоста. Но ядерные испытания во Французской Полинезии не прекратились.

К началу 1992 года сложилась новая ситуация. Россия официально объявила мораторий на ядерные испытания на Новой Земле. (Что касается Семипалатинского полигона на территории Казахстана, то там, благодаря энергичным протестам участников движения «Невада—Семипалатинск» во главе с Олжасом Сулейменовым и Владимиром Якимцом, ядерные испытания прекратились еще в 1989 году.) Кроме того, уже почти три года бездействовал китайский ядерный полигон в районе воспетого Пржевальским озера Лобнор. Оставались американцы, англичане и французы.

Представители «Гринписа» рассказали мне, что они планируют отправить в район французских испытаний судно «Рэйнбоу Уорриор» (названное так в память об их корабле, выведенном из строя в результате взрыва) с группой специалистов, в которую войдут ядерный физик, морской биолог и сухопутный биолог (каковым являюсь я). Мы должны были, если нас допустят, собрать образцы растений и кораллов там, где ядерных испытаний не проводилось, — к примеру, на Таити, затем на атолле между Таити и Муруроа и, наконец, на самом Муруроа или на соседнем атолле Фангатауфа — в местах ядерных испытаний.

Далее последовал примерно такой разговор:

— Мы вас приглашаем, конечно, не только как ученого (на эту роль можно было бы найти и более молодого человека), но и как бывшего министра и общественного деятеля, пользующегося хорошим авторитетом в Европе. Для Штатов, конечно, вы не годитесь — американцам вы не интересны. Поэтому мы хотим пригласить такую фигуру, как Мадонна или Шварценеггер.

— Поскольку нас наверняка арестуют, а по французской традиции арестантов принято сажать в яму, то прошу вас учесть, что я готов сидеть в одной яме с Мадонной, но не со Шварценеггером.

Меня заверили, что мое пожелание провести остаток дней в каторжной яме вместе с Мадонной будет учтено. Ох, не верьте ничьим обещаниям — даже «Гринписа»! В итоге выяснилось, что с нами не будет ни Мадонны, ни Шварценеггера; но к тому времени я уже дал согласие и с тоской думал о

предстоящем одиночестве в каторжной яме где-нибудь в Новой Каледонии...

Поскольку на момент нашей встречи «Рэйнбоу Уорриор» уже отплыл из Калифорнии в Океанию, возникал вопрос: как мне добраться из Москвы до Полинезии? Один вариант был таков: лететь из Москвы в Париж и, получив там визу на въезд в Полинезию, совершить перелет на Таити. Но было совершенно ясно, что парижские чиновники могут отказать мне в выдаче полинезийской визы — ведь участие члена парламента России и бывшего союзного министра экологии грозило придать акции «Гринписа» нежелательный для проядерных сил вес, не позволяя легко списать все грехи на пресловутый экстремизм молодых «зеленых». Другой вариант заключался в том, чтобы лететь в Новую Зеландию и попытаться получить полинезийскую визу в тамошнем французском посольстве. Кроме того, не было ясно, где нас могут арестовать и что будет с судном, если французские спецслужбы предпримут против нас репрессивные меры...

* * *

Надо сказать, что к тому времени я уже имел кое-какое представление о «Гринписе». Моя первая встреча с его членами состоялась еще в 1989 году: вскоре после моего избрания председателем Госкомприроды СССР ко мне пришла группа «Гринписа», в которую входили Лейпольд, Спрэндж и Фоссато, а также ирландка Элеанор О'Хэнлон и английский инженер-ядерщик Джон Лардж. Они рассказали о некоторых своих акциях.

По характеру своей деятельности «Гринпис» несколько отличается от других общественных экологических организаций. Как говорят участники этого движения, его идея уходит корнями в принцип «свидетельства», проповедуемый квакерами. Это означает, что если вы знаете о совершении поступка, причиняющего ущерб природе (будь то ядерные испытания, загрязнение океана или убийство китов), вы обязаны действовать так, чтобы в итоге взять на себя ответственность за исправление ситуации. Действия могут быть разные: написать письмо, организовать демонстрацию или просто преградить путь своим телом, остановить что-либо своим присутствием. Такая тактика протеста получила название «ненасильственной непосредственной акции».

Репортажи об акциях «Гринписа», зачастую экстравагантных, было интересно смотреть по телевизору, читать в газетах. Но вот состоялась первая встреча, и эти ребята понравились мне своей смелостью и искренностью, горячностью и полным отсутствием формализма. Тогда же они сообщили мне, что намереваются посетить нашу Новую Землю. И в один прекрасный день, в конце сентября 1990 г., я узнал о том, что судно «Гринписа» прибыло в Мурманск для встречи с представителями наших «зеленых» (об их дальнейших планах ничего не сообщалось). Я послал на борт судна правительственную телеграмму, в которой приветствовал его прибытие в наши территориальные воды. А через несколько дней четыре активиста «Гринписа» — Бьорн Окерн (Норвегия), Джин Най Хормэйн (Ирландия),

Теодор Худ (США), Йорн Хэй (Германия) — высадились на Новой Земле — наши пограничники их «прозевали» — и провели там несколько часов, произведя замеры уровня радиоактивности.

Предоставим слово участникам этой акции:

Вчетвером на надувной лодке «Avon» мы покинули борт корабля «Greenpeace» в 3.45 утра, в понедельник, 8 октября. С нами отправились фотограф и кинооператор. Мы благополучно прошли Маточкин Шар и высадились на Новую Землю в 4.30 утра. Надувная лодка повернула обратно, взяв курс на корабль «Greenpeace». Мы планировали добраться до испытательной площадки № 20 (1981), расположенной примерно в 5 км от шахты «Северная», на южной стороне Маточкиного Шара.

Температура была немного ниже нуля, толщина снега — 5 см. Остров был совсем голый, никакой растительности, никаких крупных камней или валунов. Уровень радиации в этом месте был 0.15–0.20 бк/кв.см.

Высадившись на берег, мы двинулись в юго-восточном направлении и шли вверх по склону примерно 1 км. К востоку от нас мы увидели старую испытательную площадку. Одновременно мы услышали звук мотора и решили спуститься вниз, к реке, чтобы нас не заметили. Транспортное средство продвигалось по склону, который мы прошли полчаса назад, в направлении с запада на восток. Нашего присутствия никто не заметил, правда, мы очень старались не оставлять на снегу следов.

Мы решили поближе взглянуть на заброшенные здания у подножья горы. Неподалеку проехало несколько грузовиков, над головой пролетел вертолет. Не один раз нам приходилось ложиться и притворяться валунами. К востоку мы заметили строительную площадку, там стояли временки и горели огни. Мы увидели большую каменоломню, где все время сновали грузовики.<...>

Когда мы подошли ближе к руслу реки, показания наших приборов увеличились. На заброшенной площадке и слева от нее счетчики показывали более 25 бк/кв.см. Мы решили пойти вверх по руслу другой реки в южном направлении, поскольку там мы были не так заметны. Приборы показывали 11 бк/кв.см.

Затем мы пошли вверх по горе на юг, чтобы наладить радиосвязь с кораблем «Greenpeace». В 10.30 мы наладили связь и узнали, что на борту — моряки с «XXVI Съезда партии». Радист на корабле сделал вид, что на связь пытался выйти кто-то другой.

Мы отыскивали место, пригодное для того, чтобы разбить палатку, а затем пошли обратно к руслу реки за оставленными рюкзаками. Когда мы спускались к реке, с базы «Северный» вылетел вертолет и покружил над заброшенной площадкой.

Мы решили посмотреть ее поближе. Вскоре нам стало очевидно, что это — вход в ядерную испытательную шахту. В землю уходил горизонтальный стальной туннель, примерно 2 м диаметром. Туннель был забит коаксиальными кабелями, их там были сотни, различных типов и размеров. Такими же кабелями было покрыто все вокруг. Примерно в 30 м под поверхностью земли стальная шахта раздваивалась. В одной части по верху тянулась рельса, с крыши шло множество стальных труб. В другой части наверху ничего не было. Рядом стояло прямоугольное стальное строение, 10x8x3 м, с одной стороны был пандус для въезда. Все вокруг было зава-

лено мусором: там валялись всяческие стальные конструкции, дизельный двигатель с генератором, множество стальных покрытий, сорванных с времянок и со стальной шахты. Повсюду были разбросаны куски стальных труб различного размера и диаметра.

Мы вошли в шахту и прошли примерно метров 25. Дальше пройти не могли, так как шахта была либо заблокирована, либо просто обвалилась. Дозиметр показывал 32 микрозиверта/час на высоте груди, а когда мы легли на пол — 42. Мы взяли пробы воды, которая протекала по полу, а также пробы пыли со стен. <...>

На расстоянии от 100 до 200 м от шахты приборы показывали свыше 60 бк/кв.см, максимальные показания отмечались в непосредственной близости от шахты. Показания, взятые на расстоянии от 200 до 300 м далее, по направлению к горе, были 40–30–25 бк/кв.см. На склоне горы мы обнаружили по меньшей мере три «горячих» места, где уровень радиации превышал 50 бк/кв.см. Эти очаги находились в 300–400 м от шахты. Мы обследовали испытательную площадку только по одну сторону, включая русла двух пересохших рек. В руслах показания были 12–15 бк/кв.см., однако по берегам — 22–25 бк/кв.см. <...> На вершине горы, на высоте примерно 800 м над уровнем моря (и в 2 км от шахты), показания упали с 22 (в долине) до 1,5–1,0 бк/кв.см.

Продвигаясь вверх, мы регулярно брали пробы почвы и лишайника.

В 14.30 над нашими головами снова пролетел вертолет. Мы тщетно пытались прикинуться валунами, а затем, в надежде спрятаться, продвинулись немного вперед вдоль русла реки — туда, где берега были повыше. Но попытки оказались безуспешными. В 15.00 нас заметили с вертолета, и он немедленно приземлился. Из него вышли 15 офицеров. Они были не вооружены. Нас привезли на базу и отвели в офицерскую.

Допрашивали нас корректно, но очень настойчиво задавали вопросы о том, почему мы были именно у этой горы. «Эта гора у нас теперь под контролем», — сказали нам. Стало ясно, что мы случайно наткнулись на что-то важное. Нас спросили также о том, не оставили ли мы на горе каких-нибудь приборов.

А потом кончилось все тем, что мы ужинали с адмиралом, который по такому случаю откупорил бутылку коньяка. В 20.30 нас посадили на борт фрегата и через Маточкин Шар отвезли к ожидавшему нас «XXVI Съезду партии».

На борту фрегата нас обыскали и все, в том числе и нас самих, сфотографировали. У нас забрали следующие вещи: измерительные приборы, взятые нами пробы, фотоаппараты, противогазы, нож, магнитофон.

В 8.30 утра нас на катере доставили на борт «XXVI Съезда партии». Капитан был поднят на борт судна, и матросы, вооруженные «калашниковыми», развели нас по четырем отдельным каютам. Мы оставались там до 23.00 пятницы; при нас постоянно находились вооруженные матросы. Первые три дня нам разрешали вместе есть и разговаривать. В последний день на борту появилось много официальных лиц и сотрудников КГБ. Нас окончательно разделили и сообщили, что с утра четверга мы можем считать себя арестованными. Всем четверым велели заполнить соответствующие официальные документы, и вообще все выглядело очень серьезно. Теду и Джин при вторичном допросе задавали очень много вопросов. Особенно хотели узнать, что мы собираемся делать со взятыми пробами. Может быть, Йорна и Бьорна тоже собирались допрашивать вторично, одна-

ко прежде чем это произошло, поступило сообщение, что кораблю «Greenpeace» дано разрешение как можно скорее и спокойнее покинуть пределы Советского Союза.

Эту новость мы услышали вечером в пятницу, и в 22.30 события стали развиваться очень быстро. Нам вернули все наши вещи, за исключением проб, а также фото- и видеопленок. Нам также не вернули фильтры от противогозов, поскольку замерили на них уровень радиоактивности. В 23.00 мы уже снова были на борту корабля «Greenpeace» и присоединились к общему торжеству.

* * *

В то время, когда четверка «Гринписа» была арестована, в Москве шла некая игра, в которой мне пришлось участвовать. Решался вопрос: что делать с пленниками?

Они нарушили границу? Нарушили. Но они всегда нарушают границу, а на сей раз пришел черед нашей страны. С экологической точки зрения продолжение ядерных испытаний преступно. Акции «Гринписа», как всегда, несколько опережают события. Так и должно быть. Любое общественное движение, если оно не направлено в прошлое, должно опережать политические решения, будь то внутригосударственные постановления или международные договоры. Такова была моя позиция.

В те дни мы неоднократно перезванивались с заместителем министра иностранных дел В. Ф. Петровским, курировавшим проблемы экологии по линии МИД (ныне он — заместитель Генерального секретаря ООН). Как выяснилось, точка зрения МИДа и его министра Э. А. Шеварднадзе была сходна с моей. Министерство обороны придерживалось иного мнения: сурово наказать! Главное управление погранвойск, в ту пору подчиненное КГБ, заняло выжидательную позицию. Точку зрения самих ядерщиков, ответственных за испытания, я не запрашивал. (Позднее выяснилось, что в те дни они полным ходом, в глубокой тишине, готовились к возобновлению испытаний на Новой Земле.) Совет министров СССР как орган позиции по таким вопросам не имел. Традиционно (но не конституционно) МИД, КГБ и Минобороны подчинялись политическому руководству страны, т. е. Политбюро ЦК КПСС. Однако с избранием Горбачева президентом политическое руководство этими министерствами стало понемногу перемещаться со Старой площади в Кремль. Как человек беспартийный и как ученый, я не обращался по этому и другим поводам в Политбюро, но считал возможным напрямую обратиться к президенту (что вызвало ревнивые чувства у курировавшего меня зампреда Совмина СССР и особенно у чиновников его аппарата).

В итоге совместная позиция МИДа и Госкомприроды возобладала, и было принято решение отпустить «зеленых» нарушителей. И вот теперь уже меня самого приглашали принять участие в акции на Муруроа, а после нее провести лекции и пресс-конференции, в первую очередь во Франции (если меня туда впустят), а также в Америке и других ядерных странах.

Передо мною, к тому времени уже вернувшимся к образу жизни академического сотрудника, остро встал вопрос: как получить визы во все эти

страны? А их требовалось жуткое количество: в Австралию, Новую Зеландию, США, Францию, Италию (для намеченной поездки на вышеупомянутый симпозиум), а самое главное — во Французскую Полинезию. Был и еще один неясный момент: в каком статусе мне следует принять участие в акции «Гринписа»? Можно было получить паспорт моряка, и тогда я становился как бы членом команды их судна. Но с таким паспортом меня вполне могли не выпустить на берег. В итоге я получил приглашения от разных отделений «Гринписа»: французского, английского, новозеландского, американского — и они, как оказалось, сработали. Оформив все визы (самое замечательное — и французскую), в начале марта я уехал в Италию, уверенный, что все в порядке.

Возвращаюсь с симпозиума, и в иностранном отделе Академии наук мне сообщают, что звонили из французского посольства и сказали, что моя виза на въезд во Францию и Французскую Полинезию (к тому времени уже стоявшая в моем паспорте) аннулирована. А паспорт у меня, как у народного депутата, был «зеленый», дипломатический. И началась игра:

— Как аннулирована? А бумажка от французского посольства об отмене визы есть? — спрашиваю я.

— Мы узнаем в нашем МИДе, — отвечают мне в иностранном отделе АН. МИД ответил, что никакой бумажки нет, а был телефонный звонок.

— Не понимаю. Это что — телефонное право, звонок из «выездной комиссии ЦК»? — удивился я.

— Фактически так.

Я сказал, что готов подчиниться, если будет письмо из французского посольства с официальным отзывом визы. Между тем у меня были приглашения на Таити сразу от двух организаций — от Полинезийского отделения движения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» и от местного «Гринписа»; более того, под одним из них стояла подпись госпожи Даниэльссон, жены знаменитого путешественника на «Кон-Тики» Бенгта Даниэльссона. И французское посольство, естественно, не хотело давать никакого официального отказа, понимая, что дело пахнет скандалом: не пустили парламентария, ученого, и прочая и прочая. Наконец из посольства сообщили, что они могут выдать мне визу, однако при условии, что она будет поставлена не в дипломатический паспорт.

В иностранном отделе Академии наук меня спросили, готов ли я ехать с обычным, «красным» паспортом. Я не возражал, и его начали оформлять. Но тут уже встал на дыбы российский МИД: дескать, это — нарушение закона о статусе народного депутата, которого нельзя отправлять иначе как с «зеленым» паспортом...

До самого последнего момента я не знал, куда мне предстоит лететь — в Лондон или в Париж. Если — в Лондон, то, видимо, оттуда я проследую в Новую Зеландию, в Окленд, где снова попытаюсь получить визу на въезд во Французскую Полинезию. В общем, до намеченной даты отъезда оставался один день, когда я провел пресс-конференцию в Доме журналиста, куда пришел и представитель французского посольства. Я подробно изло-

жил свою позицию, отметив, что в нынешний момент, в связи с российским мораторием, было бы крайне важно, чтобы к нему присоединились и другие страны. Говорил я и о том, что акция «Гринписа» — не антифранцузская, а антиядерная. В итоге моя первоначальная виза так и не была аннулирована, но я не был уверен, что меня не арестуют прямо в парижском аэропорту.

14 марта 1990 года я вылетел в Париж. В аэропорту имени Шарля де Голля ко мне подошел представитель «Аэрофлота», и я решил, что меня собираются отправить назад. Но он сообщил, что меня встречают — как оказалось, не только моя знакомая из «Гринписа» Элеанор О'Хэнлон, но и советский посол Юрий Алексеевич Рыжов (мой старый друг и коллега, под началом которого я работал в Комитете по науке и образованию Верховного Совета СССР). Мы обнялись, он сказал, что в курсе моих дел, и взялся проводить меня в обитель, уготованную мне «Гринписом», — клетушку в громадном здании, некогда использовавшемся в качестве продуктового склада, а ныне отданном под жилье коммуне парижских художников, расписавших все стены изображениями обнаженных женских тел гигантских размеров.

Я пробыл день в Париже и никак не мог добиться ясности насчет того, в какую сторону земного шара мне придется лететь. Мне сообщили, что Мадонны не будет, и, значит, я оказываюсь в гордом одиночестве. Я понял, что меня надули. На вопрос же о маршруте представители «Гринписа» отвечали, что я полечу в Арабские Эмираты, оттуда — в Бомбей, а потом, наверное, в Сингапур и далее — в Сидней и на Таити. Когда же мы прибыли в аэропорт, оказалось, что и в этом вопросе они меня обманули: мой самолет летел в Сан-Франциско, а оттуда — на Таити (и отнюдь не через Арабские Эмираты, но через Гренландию).

Когда я принимал решение об участии в акции «Гринписа», меня, конечно, соблазняла очень редкая для натуралиста возможность побывать в Океании. Но сам я специалист по сухопутным млекопитающим, а фауна наземных млекопитающих Океании практически нулевая. Там обитают крысы, к тому же с недавних пор — их завезли полинезийские мореплаватели. Кроме того, на острова завезен один из видов землероек. Вот и все. Поэтому, отправляясь в путешествие, я взял у своего друга, заведующего кафедрой высших растений биофака МГУ Вадима Тихомирова, гербарную папку в расчете собрать коллекцию растений и забежал к другому университетскому коллеге — энтомологу Генриху Горностаеву, который вручил мне сачок, морилки и матрацы для сбора насекомых. Багаж мой был совершенно непонятный. Получалось так, что сначала я еду «в поле», потом — на корабль, а на обратном пути мне предстоят еще пресс-конференции в США и во Франции, а стало быть, потребуется и цивильная одежда. Памятуя об этом, я прихватил с собой костюм. (Впоследствии, когда нас арестовали, он «выкупался» в шлюпке французских командос...)

* * *

Дело, конечно, было не только в соблазне посетить Океанию. Проблемой биологического влияния экспериментальных взрывов ядерного ору-

зия я заинтересовался, можно сказать, на самой заре своей научной карьеры, в середине 1950-х годов. Как известно, в 1945 году американцы произвели памятные всем взрывы в Хиросиме и Нагасаки. Затем, в 1954 году, на атолле Бикини в Океании прошли испытания водородной бомбы, о которых мы не знали почти ничего. Одновременно велись и испытания нашего ядерного оружия, однако они были полностью засекречены, и все данные о биологическом влиянии ядерных взрывов сводились к результатам японских и американских исследований по анализу лучевого поражения и наследственных дефектов у людей, уцелевших от взрывов в Хиросиме и Нагасаки, и к скудным сведениям о последствиях взрыва на Бикини.

В середине 1950-х годов на Западе началось бурное развитие радиационной генетики, в то время как у нас эта наука находилась под запретом после печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ 1948 года. Но, несмотря на это, в 1955 году мой будущий учитель Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский и член-корреспондент (впоследствии — академик) АН СССР Николай Петрович Дубинин ценой огромных усилий смогли добиться организации открытых отделов радиобиологии на Урале и радиационной генетики при Институте биофизики в Москве.

В ту пору, будучи зоологом по образованию, я начал увлекаться и генетикой. Я чувствовал, что возникает какая-то новая точка соприкосновения генетики с физикой, с актуальными проблемами политики. В частности, мне казалось, что демонстрация важности изучения наследственных заболеваний, возникающих с началом ядерной эры, может способствовать реабилитации генетики. И в этой связи я начал собирать и изучать появившуюся на Западе литературу по биологическому влиянию экспериментальных ядерных взрывов. В те годы я был аспирантом Зоологического института АН СССР в Ленинграде. Рассказывая об этой проблеме коллегам и своему учителю — зоологу старой формации Борису Степановичу Виноградову, я чувствовал, что она вызывает интерес. Поначалу я интересовался влиянием ядерных взрывов с одной лишь целью — помочь генетике. Однако вскоре понял: эта проблема настолько грандиозна и важна для человечества, что ее значение выходит далеко за рамки моей первоначальной задачи.

Я очень горжусь тем, что в 1957 году, во время очередной антиядерной кампании, когда наша страна настаивала на немедленном заключении трехстороннего (СССР — США — Англия) соглашения о прекращении испытаний атомного оружия, мне удалось опубликовать (первую в советской печати!) статью о биологическом влиянии ядерных взрывов. Она появилась в «Ленинградской правде» 8 июня 1957 года и вскоре была перепечатана в нескольких областных газетах. После этого академик Лев Александрович Зенкевич предложил мне подготовить материал о биологических последствиях ядерных испытаний для журнала «Природа». Я написал большую статью с обзором всей доступной литературы. К сожалению, я мог пользоваться данными только по Океании. Статья в «Природе» была уже набрана, дошла до «чистых листов», когда в газете «Правда» появилась публикация о ложных позициях «Ботанического журнала» (высту-

пившего с критикой Лысенко). Меня вызвал зам главного редактора «Природы» — приставленный от партии философ Денис Михайлович Трошин — и, сказав, что снимать статью целиком они не хотят, попросил убрать из нее слова «ген», «мутация» и «хромосома». Мне, двадцатитрехлетнему аспиранту, очень хотелось быть опубликованным в таком престижном журнале, как «Природа». Но, подумал я, если уже в этом возрасте начну продаваться, то что же со мной будет дальше? И я ответил Трошину, что ничего этого делать не стану. Потом у меня была встреча с главным редактором журнала, академиком Д. И. Щербаковым. Я сказал, что если они настаивают на купюрах, то могут сделать их сами, но только с примечанием: «статья сокращена без ведома автора». Они, конечно, на это не пошли, и материал сняли. Ксероксов тогда не существовало, а второго экземпляра у меня не было. Быть может, статья до сих пор валяется где-то в архивах «Природы»...

Я старался все время развивать эту тему. В 1963 году началась очередная кампания против ядерных испытаний. На этот раз мы, слава Богу, договорились о прекращении воздушных испытаний и стали проводить только подземные взрывы. Я подготовил статью и отнес ее в отдел науки газеты «Известия» Е. Манучаровой. Она очень заинтересовалась, но сказала, что для опубликования необходимо найти автора «с именем», лучше всего — академика (я тогда был доцентом медбиофака 2-го Медицинского института). Я поговорил с академиком В. А. Энгельгардтом, и в 1963 году статья академика Энгельгардта и доцента Воронцова появилась в «Известиях». (Существенным моментом было и то, что это произошло до падения Лысенко, — а в статье говорилось о генетических последствиях ядерных взрывов.)

* * *

Коснемся собственно проблемы испытаний ядерного оружия. Наземные и атмосферные испытания, с которых начинали все ядерные державы, — это чудовищное зло. Мы до сих пор не вполне осознаем, сколько миллионов человеческих жизней они унесли. Чем опасна радиация? В частности, тем, что она разрушает клеточные структуры — хромосомы, митотический аппарат. Если разрушение касается половых клеток, то оно передается по наследству, вызывая генетические мутации. В случае же соматических мутаций (когда радиация воздействует на неполовые клетки) могут возникать клетки с высокими темпами размножения, что может привести к злокачественным новообразованиям. Хорошо известно, к примеру, что воздействие радиоактивного йода резко повышает шансы возникновения рака щитовидной железы. Радиоактивный стронций-90 (который принадлежит к той же группе элементов периодической системы, что и кальций) замещает кальций в костях, — то есть начинается внутреннее облучение организма. Но эти и подобные им процессы действуют чисто статистически. К счастью, огромная доля ненормальных (т. е. облученных) половых и соматических клеток гибнет сама по себе. Если же ненормальная клетка с высокими темпами деления остается жить, — последствия могут быть самыми страшными.

С экологической точки зрения переход к подземным испытаниям был большим прогрессом. Нам известен ряд подземных испытаний, прошедших без радиоактивного выброса. Тем не менее они сопровождаются загрязнением подземных вод, ведут к концентрации радионуклидов в подземных полостях и т. д. Иными словами, они также представляют собой несомненное зло.

Чем же особенно опасны ядерные испытания сегодня? Прежде всего тем, что сегодня на пороге создания ядерного оружия стоит целый ряд стран: Ирак, Иран, Пакистан, Северная Корея, ЮАР, Бразилия, Аргентина и, наконец, Израиль (для которого проблема заключается лишь в том, чтобы найти место для испытаний). И весьма вероятно, что все они, подобно нынешней шестерке ядерных держав, начнут свои испытания с наземных и атмосферных взрывов. А это приведет к новому витку накопления огромного количества радионуклидов, к новым миллионам жертв на нашей планете.

При этом важно понимать, что все мы — ядерные страны — фактически являемся членами одной мафии. А мафия не может допустить, чтобы один из ее членов начал вести праведный образ жизни, — она такого члена уничтожает. Либо все ее члены порывают с преступной деятельностью и начинают заниматься богоугодным делом, либо она, согласно собственным законам, старается расширяться, вовлекая все новых соучастников. Наивно полагать, что, скажем, Россия или Франция, или США могут по одиночке прекратить свои ядерные испытания. Законы мафии таковы, что это должно быть одномоментным действием всех ядерных стран. Но договориться об этом безумно трудно — хотя бы потому, что к их числу принадлежит Китай с его очень своеобразной политикой.

Но дело, конечно, не только в Китае. У меня создается впечатление, что в любой из стран, обладающих ядерным оружием, оно служит для политических лидеров своего рода «эполетами». Иными словами, обладание ядерным оружием воспринимается как признак если не мужской, то, по крайней мере, политической полноценности лидера. И совершенно неважно, нуждается ли в этих «эполетах» как мир вообще, так и его собственная страна в частности.

Между тем не надо забывать, что эти атрибуты политической полноценности — безумно дорогое удовольствие. К примеру, в 1989 году Минатом-энерго СССР затребовало (и, судя по всему, получило) 3,9 миллиарда рублей лишь на проведение горнопроходческих работ под новые взрывы на Новой Земле. Для сравнения скажу, что в масштабе цен того времени это была сумма, десятикратно превосходившая стоимость первой очереди Московского университета на Воробьевых горах со всей научной «начинкой»! Учитывая, что в то время Советский Союз производил полную переоценку своей военной стратегии и к тому же переживал жесточайший экономический кризис, подобные запросы казались мне не только политически бессмысленными, но и безнравственными.

Тем не менее вообще я понимаю ядерщиков. Среди них могут быть прекрасные специалисты, которые изобрели какой-нибудь очень красивый

способ взрыва. И когда им говорят, что с изменением политической ситуации они уже никому не нужны, то это, наверное, очень обидно. Если сегодня скажут, что мои любимые теория эволюции и экология никому не нужны, мне тоже будет обидно, и я буду доказывать, что они необходимы всем. По-видимому, то же самое происходит и с ядерщиками. При этом надо заметить, что у каждого специалиста могут быть определенные искривления в сознании. В качестве иллюстрации приведу один пример из своей долгой экспедиционной работы вместе с работниками противочумной службы. Однажды моя жена выделила из большой серии пойманных нами сусликов культуру чумы, и противочумники страшно обрадовались. Надо бы прийти в ужас — чума была обнаружена недалеко от пионерлагеря, — но они были в восторге: теперь перестанут говорить, что они зря едят государственный хлеб! Я боюсь, что такого рода искривления происходят и в мозгах наших ядерщиков. Им хочется, чтобы была напряженность, чтобы они были нужны, чтобы другая сторона тоже проводила испытания...

* * *

Утром **15 марта** в моем парижском жилище появилась Элеанор О'Хэнлон, и мы отправились в аэропорт. Там нас поджидал мой будущий товарищ по экспедиции, представитель французского отделения «Гринписа» Жан-Люк Терри. (Впоследствии на него — единственного, не считая полинезийцев, гражданина Франции среди участников акции — легли основные функции по контактам с французской администрацией на Таити.)

Как я уже говорил, мы полетели через Сан-Франциско, где произошла смена экипажа и появились стюардессы и стюарды — полинезийцы. В 23 часа мы прибыли в Папее, главный аэропорт острова Таити. Нас встречала Стефани Миллс — замечательная новозеландка, которая была, выражаясь по-советски, нашим комиссаром, то есть душой и идеологом всей акции. Вместе с нею был руководитель местного отделения организации «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» Патрик Хауэлл, потомок француза, полинезийки, австралийца и новозеландки. При встрече, как положено в этих краях, нам на шею надели гирлянды цветов. В последующие дни мне еще не раз пришлось столкнуться с этим красивым обычаем...

16 марта, проведя ночь в доме Патрика, мы отправились в порт Папее, где уже стоял на рейде знаменитый «Рэйнбоу Уорриор». Приход этого небольшого (водоизмещение — 550 тонн) судна был большим событием для полинезийцев. Деятельность «Гринписа» и его предшествующие рейды на Муруроа получали очень неоднозначное освещение в местной печати. Прибыв на корабль, я уже в 11 часов принял участие в первой пресс-конференции. Пришло много журналистов. Мне задали немало вопросов о ситуации в Союзе. Один из них звучал так: куда вам, с вашими экологическими проблемами Чернобыля и Арала, соваться еще и в дела Океании? Неужели вам нечего делать у себя дома? Ответ был для меня совершенно очевиден: во-первых, биосфера едина; а, во-вторых, проблемы ядерной безопасности разных стран тесно взаимосвязаны. От того, будут ли французы продол-

жать ядерные испытания, зависит прекращение или продолжение ядерных испытаний у нас. А если мы не прекратим испытаний, то не будет никаких шансов добиться моратория на взрывы от Китая.

После встречи с журналистами я разобрал багаж и обустроился в своей каюте, а в 5 часов вечера мы сошли на берег и отправились в расположенный неподалеку городок Фааа, где я познакомился с очень интересным человеком — лидером движения за независимость Полинезии Оскаром Темару. В просторном зале с белеными перилами и тростниковой крышей (которую меняют раз в 6 лет), где нас уже поджидали местные жители и журналисты, состоялось собрание, ставшее одновременно пресс-конференцией. После христианской молитвы, прочитанной на полинезийском языке, выступил Темару. (Общаясь с ним в кулуарах, я выяснил, что он свободно говорит по-английски и бегло по-французски; но политика есть политика, и, как только началась официальная часть, он перешел исключительно на полинезийский язык.) Он говорил о колониальной политике Франции, которая с 1962 года перенесла свои ядерные испытания из Алжира в Полинезию. Сам уроженец Муруроа, высланный оттуда после устройства ядерного полигона, Темару с горечью вспоминал о массовом изгнании местных жителей с острова и отмечал, что жители близлежащих островов подверглись сильному радиоактивному облучению. (Это было правдой — в течение ряда лет в Полинезии проводились воздушные испытания.)

17 марта после завтрака состоялось собрание экипажа и членов экспедиции. Мы начали ближе знакомиться с кораблем и друг с другом. В 11 часов утра Стефани Миллс, Жан-Люк Терри и я отправились в гости к Бенгту и Марии-Терезе Даниэльссонам. Бенгт был единственным шведом на «Кон-Тики» Тура Хейердала. Он впервые оказался во Французской Полинезии, когда «Кон-Тики» прибило к группе атоллных островов Фламот. После экспедиции Даниэльссон был приглашен на пост директора Королевского этнографического музея в Стокгольме, где и проработал лет пять-шесть. Но его вольный дух и интерес к Океании в конце концов заставили Бенгта в корне изменить образ жизни: он уехал на Таити и вот уже 37 лет живет там со своей женой, француженкой Марией-Терезой. Их дом стоит на берегу океана в 20–25 километрах от Папезте.

Нас встретил сам Бенгт. Высокий, в шортах, он выглядел много моложе своих 70 лет. Он бегло говорит по-английски и по-французски, знает немецкий, а о полинезийском и говорить нечего — он исследователь этого языка. «Поселение» Бенгта и Марии-Терезы сделано по образу и подобию полинезийских. Полинезийцы строят несколько домов, и у каждого свое предназначение. Так и у Даниэльссонов. Один их дом — это спальня. Другой — это кухня, столовая и веранда, на которой они принимают гостей. В третьем — самом главном — доме помещаются библиотека и рабочий кабинет Бенгта. В четвертом доме живет его бессменная секретарша и библиограф Мартин Петро.

Библиотека Даниэльссона — это огромный зал с разнообразнейшей литературой: энциклопедиями, справочниками, всевозможными материала-

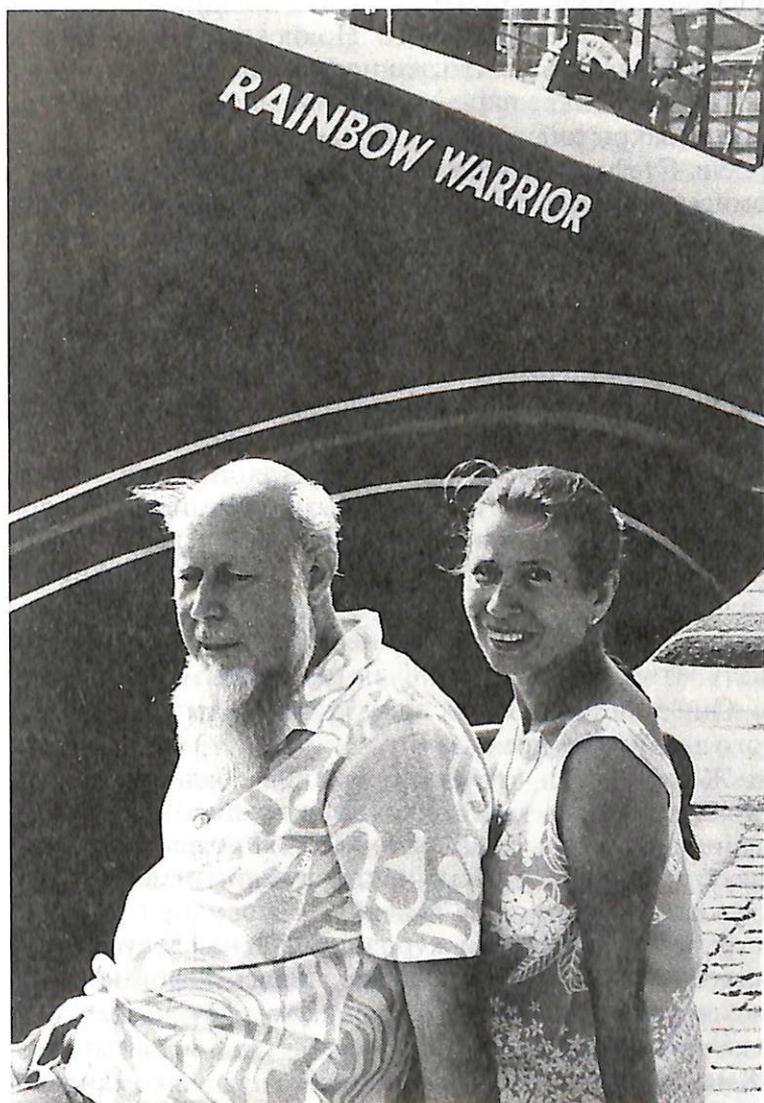
ми по Океании, Новой Зеландии и Австралии, а также по истории географических открытий, этнографии и антропологии. Несколько менее богато (но все равно обширно) его собрание книг по зоологии, ботанике и собственно географии. На стенах висят гравюры, иллюстрирующие сюжеты путешествий Коцебу и Беллинсгаузена по Тихому океану, карта Тихого океана, гравированная в Упсале, и полинезийские картины.

Даниэльссон выпустил шесть объемистых томов «Истории изучения Океании» (*in octavo*). Издание этого фундаментального труда, посвященного расселению полинезийцев, меланезийцев и макронезийцев по Тихому океану и истории Океании с времен Магеллана, Бугенвиля и Кука до наших дней, потребовало немалых затрат. В разговоре Бенгт подчеркнул, что он свободный человек, нигде не служит и живет за счет своих научно-популярных книг, которые приносят ему достаточный доход, чтобы заниматься глубокими исследованиями в области истории географических открытий, антропологии и этнографии. Он пользуется громадным авторитетом и среди полинезийцев, и далеко за пределами Океании, — однако французские власти «держат на него зуб»: Даниэльссон полностью поддерживает антиядерные акции «Гринписа» и выступает за деколонизацию Полинезии. Не будь он женат на гражданке Франции, его бы уже давно выслали с Таити. У Бенгта и Марии-Терезы был ребенок, который умер и похоронен здесь. Позже они усыновили полинезийского мальчика (сейчас он уже взрослый и живет отдельно).

Мотивы, побудившие Даниэльссона собрать такую уникальную библиотеку, были мне вполне понятны — ведь ближайшая настоящая библиотека находилась где-нибудь в Сиднее, Новой Зеландии, если не на американском континенте. Я сам 15 лет проработал в Сибири и на Дальнем Востоке, где практически не было литературы по естествознанию и, в частности, по зоологии, которая является моей специальностью. Поселившись там, я вынужден был завести собственную большую библиотеку. В гостях у Даниэльссонов мне также вспомнился патриарх нашей дальневосточной энтомологии, профессор Алексей Иванович Куренцов, живший во Владивостоке (и долгие годы бывший единственным доктором биологических наук к востоку от Урала). У Куренцова была огромная энтомологическая библиотека, на которой росла вся местная молодежь.

Нечто подобное, но значительно больших масштабов, мы увидели у Бенгта. Наводить порядок в библиотеке помогает его секретарша, полуфранцузка-полудатчанка Мартин Петро. Она составляет компьютерный каталог. К моменту нашего визита было обработано пять с половиной тысяч томов (и, по моим представлениям, работы ей хватит еще на несколько лет).

Бенгт не скрывает своей позиции по ядерным проблемам и поддерживает полинезийцев в их стремлении к независимости. В своих трудах, посвященных истории Полинезии, он подробно останавливается на последствиях европейского влияния — в частности, на сокращении местного населения (когда Бугенвиль открыл Таити, численность островитян составляла около 150 тысяч человек, а к середине прошлого века их оставалось уже не

Бенгт и Мария-Тереза Даниэльсоны у борта «Рэйнбоу Уорриор». Ленинград. Июль 1989 г.

более 30 тысяч). По мнению Даниэльссона, это было связано не столько с прямым истреблением местных жителей европейцами, сколько с тем, что последние завезли в Полинезию ряд новых болезней (таких, как сифилис и туберкулез) и навязали островитянам свои порядки (к примеру, широкое применение огнестрельного оружия).

Конечно, Даниэльссон горячо интересовался намеченной акцией «Гринписа». Надо сказать, что именно он в свое время помог разоблачить операцию французских спецслужб по взрыву первого «Рэйнбоу Уорриор» в Новой Зеландии.

Вернувшись на корабль, я обнаружил, что по ошибке увез с собой очки Бенгта, и очень страдал от содеянного. Но на следующий день Мария-Тереза успокоила меня, сказав, что это нестрашно. «Он давно взял себе за правило держать несколько пар, — заметила она, — так как очки нередко теряются внутри закрытой книги...»

В тот же день Стефани Миллс, Жан-Люк Терри и я нанесли визит верховному комиссару Французской Полинезии Мишелю Жо. Встреча с ним продолжалась довольно долго — около полутора часов, и господин Жо явно хотел произвести хорошее впечатление. Он всячески пробовал отговорить нас от проведения акции и даже предложил доставить нас на самолете на Муруроа и обратно, чтобы мы сами (под присмотром властей) убедились, что радиационная обстановка на атолле находится в пределах нормы. В подтверждение своих слов он вручил нам официальный буклет, где утверждалось, что на Муруроа все о'кей. Буклет весьма походил на изданную нашими ядерными силами брошюру о Новой Земле (за исключением того, что французское издание имело более нарядный вид). Ведомственная наука везде одинакова. Она говорит то, что хотят услышать финансирующие организации, и не допускает чужих исследований. Авторы буклета пытались, в частности, дискредитировать работу экспедиции Жак-Ива Кусто, обнаружившей большие трещины в коралловых рифах вокруг Муруроа: дескать, что там Кусто — побыл три дня, в то время как мы сидим здесь годы. Они действительно сидят здесь годами, получая деньги от французского ядерного ведомства.

Господин Жо пообещал, что на Муруроа нам будет предоставлена возможность взять образцы в трех точках. Мы вежливо ответили, что исследования так не ведутся и что выбор точек для проведения замеров радиации и взятия образцов должен быть чисто случайным. «На это разрешения не дадим», — ответил он.

После встречи нас поджидали журналисты, и на следующее утро в правительственной газете «Ля Депеш» появилась информация о нашей беседе, снабженная красноречивым заголовком: «“Гринпису” показывают дверь, а он хочет влезть в окно».

Утром **18 марта** в сопровождении одного из членов команды — медсестры Шины Чейни (англичанки) — я отправился на сухопутную экскурсию вокруг всего Таити. Как я уже говорил, объекты моих профессиональных интересов — млекопитающие — практически отсутствуют на острове. Полинезийцы завезли туда только крыс. Надо заметить, что генетические особенности таитянских крыс явно указывают на их азиатское (но не американское) происхождение, и это говорит против гипотезы Хейердала. Первые крысы в Америке появились лишь после экспедиции Колумба. А крысы на Таити были привезены из Восточной Азии. (Исследования местных крыс были проведены моим ныне покойным коллегой, японским генетиком Тадаши Ясидой, который на примере расселения крыс по миру показал, что, изучая их хромосомы, можно понять и историю расселения человека.)

Поскольку наши натуралисты редко попадают в эти края, я счел своим долгом произвести сборы растений. Мы объехали весь остров, который состоит как бы из двух «блинов» — вулканических массивов, связанных между собою низким перешейком. (Во времена Бугенвиля и Кука они были заселены двумя племенами, резко отличными друг от друга.)

Хоть я и не ботаник, но мне удалось собрать довольно значительный гербарий. Сборы были сделаны в трех точках. Первым пунктом стала равнинная лужайка на перешейке между «блинами», недалеко от места, где жил Гоген. Затем мы углубились в южную часть и сделали второй сбор на краю горного тропического леса (был выбран изреженный, с полянами, участок на высоте около 400 метров над уровнем моря). Здесь нам открылось удивительное богатство эпифитов, представленных папоротниками, лишайниками и орхидеями. Третьим местом сбора стал высокоствольный тропический лес в северной части Таити, в окрестностях роскошного водопада Ваймахаха (на высоте порядка 70–100 метров над уровнем моря). Нам удалось собрать хорошую коллекцию эпифитных папоротников и мхов с деревьев на высоте 1,5–2 метров, а также поразительные бороды эпифитных лишайников.

Надо сказать, что первые европейцы, попавшие на Таити, — и открывший его Бугенвиль, и позднее Джеймс Кук, — описывали этот остров как рай на земле. Впоследствии их описания произвели большое впечатление на Жан-Жака Руссо, который изобразил жизнь на Таити как некий прообраз гармонии людей с природой, к которой следует стремиться всему человечеству. Однако растительность острова в эпоху, предшествующую европейской колонизации, существенно отличалась от сегодняшней. Европейцы завезли на остров целый ряд видов, и сегодня прибрежная часть Таити практически утратила свой исконный вид. Здесь растут бананы, хлебное дерево, в огромном количестве ананасы. Девственные леса сохранились лишь во внутренних районах острова.

Возвращаясь на корабль по дороге, проложенной между океаном и отрогами гор вдоль северного побережья Таити, мы были поражены огромным количеством валяющихся кокосовых орехов. Впору было вместо знака «Осторожно, камнепад» расставить повсюду таблички с надписью: «Осторожно! Падают кокосовые орехи!»

Пляжи на Таити резко отличаются по цвету от пляжей на атоллах. Дело в том, что классические атоллы образуются вокруг подводной горы. Песок их пляжей состоит из измельченных остатков кораллов, и поэтому пляжи атоллов ослепительно белые. Но на Таити, где пляжи сложены песком и галькой, образовавшимися в результате разрушения вулканических пород, они имеют совершенно черный цвет. На одном из этих пляжей мы с Шиной остановились искупаться. Полинезийцы приезжают сюда на машинах собирать окатанную прибоем гальку, которую затем используют в качестве наполнителя при строительстве фундамента домов.

К четырем часам пополудни мы вернулись в Папееэ на корабль, а часом позже Стефани повезла нашу делегацию обратно на берег, на пресс-конфе-

рению с участием местных «зеленых» и активистов антиядерного движения. Встреча происходила в зале Культурного центра, собравшем около ста человек. Сцену заняли члены экспедиции — Стефани Миллс, Жан-Люк Терри, Валери Смит (шотландка, специализирующаяся на изучении коралловых рифов и их симбионтов) и я. На конференцию пришли Патрик Хауэлл, Мария-Тереза Даниэльссон и сотрудница местного отделения «Гринписа». Она сказала, что в сегодняшнем номере «Ля Депеш» опубликована информация о том, что у меня какой-то «плохой учитель».

Утром 19 марта, когда я занимался переключением гербария, на борт поднялся сотрудник службы безопасности и передал мне устное приглашение посетить шефа полиции Французской Полинезии г-на Жежера. Поблагодарив гонца за любезность, я сказал, что, коль скоро шеф полиции хочет со мною встретиться, то я буду рад принять его на борту судна, но смогу посетить его на берегу только в том случае, если получу письменное приглашение.

Потом я решил прояснить вопрос о своем «плохом учителе», отыскал вчерашний номер «Ля Депеш» и с изумлением прочел заметку такого содержания: Воронцов — генетик, а коль скоро он генетик, то он — ученик Лысенко, который, как известно, разрушил всю науку в их стране. Возникает вопрос: как же может Воронцов судить о генетических последствиях ядерных взрывов, будучи учеником Лысенко?

Это было занятно — особенно если учесть, что я всю свою научную жизнь, начиная с 1955 года, боролся за реабилитацию настоящей генетики. Я решил: черт возьми, это дело так не пройдет. С борта «Рэйнбоу Уорриор» я послал факс своему товарищу, профессору Валерию Сойферу, уехавшему из Союза и живущему теперь в Америке, где он опубликовал книгу о Лысенко. (Надо заметить, что связь на нашем небольшом корабле была просто фантастическая. В этом отношении «Рэйнбоу Уорриор» напоминал мне «Карла» — машину из «Трех товарищей» Ремарка. Она была вся раздранная-прераздранная, но хозяева поставили на нее сверхмощный мотор, который поддерживали в идеальном состоянии. А их любимое развлечение заключалось в том, чтобы дразнить и обгонять роскошные лимузины. Подобно «Карлу», наш кораблик был внешне очень непритязательным, вполне заурядным судном, однако он был оснащен мощным мотором, а главное — самыми современными средствами коммуникации: спутниковая связь и факс, радиосвязь и электронная почта обеспечивали бесперебойное круглосуточное сообщение со всем миром.)

Вот что я написал Сойферу: «Дорогой Валерий! Я на Таити, принимаю участие в антиядерной акции на судне “Рэйнбоу Уорриор”, на днях мы выплываем в район атолла Муруроа. Здесь было много встреч, в том числе с Бенгтом и Марией-Терезой Даниэльссонами. Позиция французской ядерной мафии — та же, что и у советской и американской. Мое участие в экспедиции как ученого, члена российского парламента и экс-министра привлекло большое внимание прессы. Проядерные силы, как всегда, хотят дискредитировать “Гринпис” и участников его акции. И вот вчера в местной газете сообщили, что Воронцов — ученик Лысенко. Хочу получить твой

совет. Нужно ли подавать в суд на газету? Как оценивать моральный и материальный ущерб? У меня нет никакого опыта, нет адвоката. Где подавать в суд — в Париже, США, Москве? Дело кажется мне беспроектным, но стоит ли возиться?»

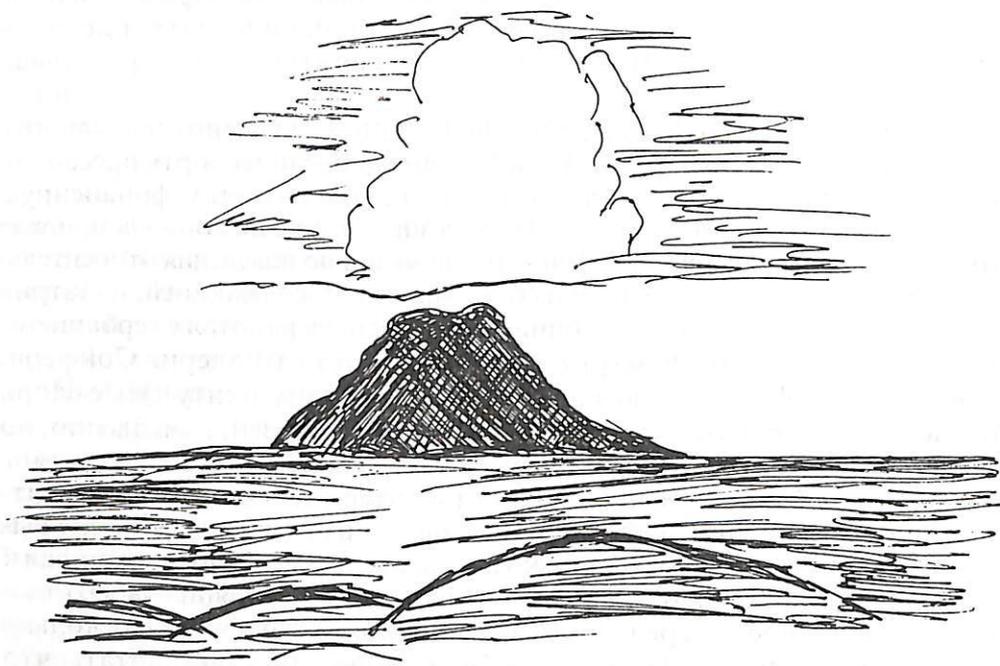
В тот же день Стефани Миллс, Жан-Люк Терри, я и недавно прибывший к нам английский ядерный физик Джон Хэссард провели на борту пресс-конференцию по поводу антигринписовской кампании в газетах, финансируемых администрацией Французской Полинезии. Позже на корабль приехал Патрик Хауэлл, и мы с ним и Стефани обсудили линию поведения относительно приглашения г-на Жежера. Они согласились с моей реакцией, и Патрик сказал, что передаст ее шефу полиции. Потом я снова работал с гербарием.

На следующий день, **20 марта**, я получил ответ от Валерия Сойфера: «Дорогой Коля! Я сразу же позвонил своему книжному агенту в Нью-Йорк и посоветовался. Его ответ таков. Адвоката можно найти немедленно, но стоит это будет бешеных денег. Дело стоило бы начать, если бы ты смог доказать, что в результате публикации ты потерпел существенные убытки — тебя не приняли на работу или выгнали с работы, и вследствие вынужденной безработицы ты не только потерял деньги, но вдобавок попал к врачам, и они определили существенное изменение состояния твоего здоровья, равноценное потере нескольких миллионов долларов. Поскольку вряд ли ты сможешь доказать что-либо подобное, можешь считать, что дело это не стоит и поднимать. Он также сказал, что западные газеты охотно печатают опровержения. Ты мог бы сильно выиграть в общественном мнении, если бы написал письмо со своим протестом в газету и потребовал его публикации. Если ты знаешь конкурирующую газету, то лучше послать опровержение туда. Тогда поднимется шум, а когда-нибудь потом ты сможешь описать все это в мемуарах, приложив фотокопии публикаций...»

Я решил воспользоваться этим советом и написал редактору «Ля Деш» письмо с протестом по поводу их публикации. (Мое опровержение было написано по-английски; Жан-Люк Терри перевел его на французский, после чего по моей просьбе другие члены экспедиции перевели его перевод обратно на английский язык, чтобы я мог убедиться в правильности передачи нюансов.)

Хотя «Ля Деш» и напечатала мой ответ, она не изменила своих четких проядерных позиций. Их очередным проявлением стала клевета на другого участника акции, ядерного физика Джона Хэссарда. Пришлось и ему писать опровержение. Затем последовала атака на неутомимого новозеландского журналиста Фила Доэрти, который, будучи участником экспедиции, обслуживал целый ряд агентств, в том числе и «Франс пресс». «Ля Деш» заявила, что он подкуплен «Гринписом»...

Утром **21 марта** мы отплыли из Папэте. Лоцман вывел нас из бухты за береговые рифы, и мы долго, несколько часов, плыли вдоль Таити. К вечеру мы дошли до острова Меетиа — самого юго-восточного в Архипелаге Товарищества. С корабля Меетиа выглядит как типичный вулкан. Рифы вокруг него просматриваются только в бинокль. На острове нет постоян-

Атолл Меетиа. Рисунок из дневника Н. Н. Воронцова (реставрация Т. В. Сергеевой)

ного населения, но туда нередко приезжают полинезийцы, чтобы порыбачить и поохотиться на акклиматизированных там домашних коз.

Я занимался разборкой таитянского гербария и знакомился с пополнившим наши ряды Хэссардом, который с энтузиазмом вспоминал о своем визите в Москву на конференцию по ядерной физике, где он встретился с Сергеем Капицей и Роальдом Сагдеевым.

С момента отплытия с Таити за нами следовал французский фрегат «Лявалле», долгое время тактично державшийся на большом расстоянии. (Кстати, «на крючке» у французских спецслужб мы оказались сразу по прибытии в Папее: рядом с пирсом, где встал «Рэйнбоу Уорриор», тотчас появилась их машина. Она не покинула своего поста вплоть до нашего отплытия, менялись лишь дежурные.)

В середине дня **22 марта** мы сошли с корабля и на моторной лодке местных полинезийцев отправились на атолл Херехеретуе, лежащий на полпути между Таити и Муруроа (до каждого из них отсюда — около 300 морских миль), чтобы собрать контрольные образцы. Найти проход в окружающих атолл рифах было нелегко. В конце концов полинезийцы выскочили из лодки и, по пояс в воде, провели ее через кораллы. На подходе к лагуне нам встретились летучие рыбы. В лагуне мы снова пошли под мотором.

Атолл Херехеретуе — это цепь островков, покрытых белым коралловым песком, которые демонстрируют разные стадии освоения суши жизнью. После сплошной песчаной пустыни первые поселенцы — кокосо-

вые пальмы. С ними появляется опад; по мере его гниения накапливается перегной и начинает формироваться почва. На ней поселяются первые травы. В основной части острова, где ширина полосы суши до лагуны измеряется уже сотнями метров, растительность богаче. Я заметил три формы кокосов, хлебное дерево, папайю и бананы (впрочем, последние были еще слишком молоды, и мы оставили привезенные с Таити грозди бананов аборигенам, получив от них кокосовые орехи).

Население атолла, во главе которого стоит мэр-полинезиец, представлено двумя группами: в одну из них входит семья мэра, в другую — персонал французской метеорологической станции (точнее, ее единственный сотрудник-француз). На острове, где мы высадились, нас встретил мэр атолла — полный пожилой полинезиец, сопровождаемый своей супругой примерно такого же возраста и полноты, которая угостила нас соком кокосовых орехов. Я стал сразу же собирать гербарий. Заметив это, хозяева попытались отвести меня на свой огород, где были посажены акклиматизированные лекарственные травы, и мне пришлось долго объяснять, что меня интересуют только те растения, которые живут сами по себе...

Потом мы поплыли к другому острову атолла, на котором располагалась метеостанция, представляющая собой поселок из нескольких домиков со всеми благами цивилизации (душ, водопровод, туалет, телевизор — работающий 3–4 часа в сутки, спутниковая связь и т. д.). Помимо метеоролога, на Херехеретуе обитают 16 полинезийцев. Чем же живут эти люди? Как я выяснил, муку они завозят, но хлеб пекут сами. У них есть кокосовый сок и кокосовое молоко, есть копра, рыба и лангусты. На атолле много добрых полинезийских дворняг; у жилищ бродят высокие поджарые куры. Я вспомнил нашего замечательного ученого Александра Сергеевича Серебровского, который в свое время написал классический труд «Генная география кур в Дагестане». Здешние куры, проделавшие вместе с полинезийцами путь от острова к острову, могли бы стать прекрасным объектом для геногеографического исследования, соединяющего учение Серебровского с историей расселения человека по Океании.

При выходе из лодки нас встречали полинезийки, двукратно целовавшие каждого из гостей в щеки (и дававшие поцеловать себя). Один из членов экспедиции воспринял это как знак особой любви к нему лично и решил, что поцелуи можно продолжить. Но вскоре полинезийки попросили меня предупредить «этого джентльмена», что у дамы, ставшей предметом его внимания, есть муж, который «сидит рядом и очень ревнивый».

Я продолжал свои ботанические и энтомологические сборы. К сожалению, мой сачок остался на палубе корабля, забытый в ажиотаже посадки на моторную лодку, и мне пришлось собирать насекомых руками. Первый принцип человека, который собирает насекомых в любом месте — будь то Подмосковье или Африка, состоит в том, что надо переворачивать камни. Но на острове камней не было, зато всюду валялись кокосовые орехи. Я перевернул множество орехов, но не нашел ни единого жука. Основным представителем островной фауны оказался рак-отшельник, известный под

именем «пальмового вора». Он встречается здесь повсюду — и в опавшей листве, и на деревьях, где добирается до самых высоких ветвей, чтобы полакомиться кокосовым орехом.

Утомленный шуршанием многочисленных раков-отшельников, я вышел на берег океана и стал рассматривать раковины своеобразных тридакн. Но вскоре меня позвали, и, не успев насладиться природой, я присоединился к уже накрытому столу.

Во главе стола сел Оскар Темару, рядом разместились остальные члены нашей экспедиции — протестантский пастор-полинезиец Теура Тетоху, Стефани Миллс, Жан-Люк Терри, корреспондент «Независимой газеты» Юрий Мешков, австралийский журналист Питер Мэйрс, физик Джон Хэссард, матрос-полинезиец Жан Нгпао и еще несколько человек (которых я еще не научился диагностировать). Тем временем Валери Смит и Симона Трэнделле (радиохимик из ФРГ) продолжали работать на коралловых рифах.

Нас угощали местными лакомствами — сырой рыбой, вымоченной в кокосовом молоке и соке лайма, сладкими «пончиками» из кокосовой муки. Посудой служили пальмовые листья, столовыми приборами — собственные пальцы.

Во время ужина начался лет насекомых на свет, и я продолжил свои энтомологические сборы под лампой. Помимо насекомых мне посчастливилось поймать одного геккона, но его пришлось отпустить, так как я все равно не мог бы довести его домой живым. Закончив отлов, я решил ночью искупаться в лагуне. Уже зайдя в воду, я обнаружил внутри лагуны обломки рифов и решил их обследовать.

Для этого я вернулся на берег за фонарем, направил его на воду и увидел настоящее чудо. Я обнаружил, что у большинства тридакн в щели между створками видна ярко-малиновая мантия, а у остальных наблюдается поразительной силы флюоресценция, и по их змеящейся зеленой мантии разбросаны черные точки.

Я снова вышел на берег. Мне непременно хотелось показать это удивительное зрелище другим участникам экспедиции. К сожалению, те из них, кто был наиболее близок к морскому миру, — Валери Смит и Симона Трэнделле — продолжали нырять с аквалангами в другом месте. Первым мне под руку попался флегматичный представитель французского отделения «Гринписа» Жан-Люк Терри. Я потащил его за собой. Далекий от моря человек, он все равно был совершенно потрясен увиденным. Но я по-прежнему чувствовал, что мой педагогический запал не нашел достаточного выхода. К счастью, мне на глаза попался экспансивный Джон Хэссард. Его восторгу не было пределов. Я же совершил очередной рейд на берег и увидел нашего Юрия Мешкова. Убеденный, что «Независимая газета» не сможет быть поистине независимой, если ее корреспондент не увидит свяжающихся тридакн, я увлек его в воду, и мы с ним плавали.

Но этим дело не закончилось. Полинезийцы решили устроить для нас ночную рыбалку в полосе прибоя среди рифов. Мы обулись (по кораллам невозможно ходить босиком), сели в единственное на острове транспорт-

ное средство — трактор с подвесным ковшем — и отправились вдоль берега. Поскольку были приглашены все гости с корабля, а трактор был один, то четверым из нас пришлось разместиться в ковше. Мы довольно долго плутали по берегу. Наконец, проехавши 4–5 километров, мы вышли к прибойной полосе. Здесь были промоины, свободные от кораллов, и коварные ямы шириной от нескольких сантиметров до двух метров. Идя по колено в воде, можно было внезапно окунуться на два-три метра. Именно в этих ямах полинезийцы гарпунят лангустов и рыбу. В ту ночь они сразу поймали двух лангустов, а потом какую-то большую рыбу ядовитого сине-зеленого цвета (в нашей стране таким цветом любят красить места общественного пользования). Лов шел до двух часов ночи. Там же полинезийцы угостили нас брюхоногими моллюсками. Они берут пару раковин, разбивают их друг об друга, ополаскивают моллюсков морской водой (как приправой) и сразу же поедают.

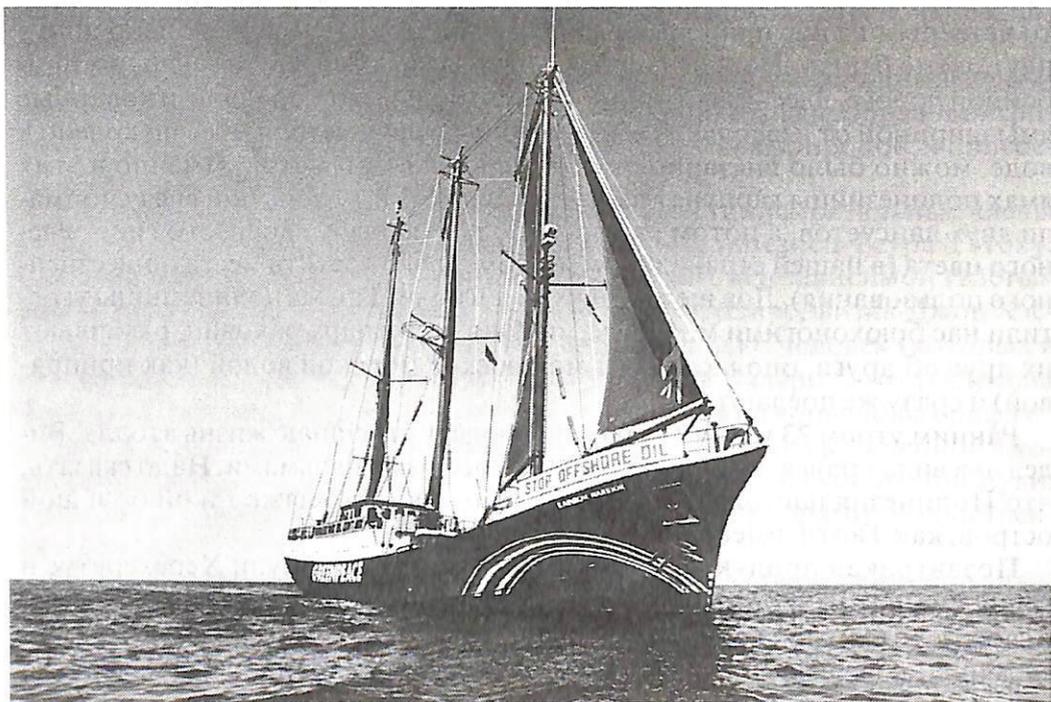
Ранним утром **23 марта** я пошел наблюдать утреннюю жизнь атолла. Видел два вида крачек, круживших над кокосовыми пальмами. Надо сказать, что Полинезия настолько далека от материка, что даже такой большой остров, как Таити, имеет довольно бедную фауну птиц.

Позавтракав продуктами ночного лова, мы покинули Херехеретуе и вернулись на «Рэйнбоу Уорриор», стоявший на якоре. В 11 часов я уже был в своей каюте и сел за обработку гербария, чем и занимался весь оставшийся день. В перерыве написал статью о нашей экспедиции для «Российской газеты» и отправил ее факсом в Москву. (Однако наши газетчики не умеют работать оперативно, и информация о том, что мы направляемся к Муруроа, вышла в то время, когда нас уже успели арестовать.)

Ночью по каналам «Гринписа» поступило сообщение об аварии на атомной электростанции в Сосновом Бору. Я тут же пошел в радиорубку и попытался поймать какую-нибудь российскую радиостанцию. Но ни одна из них не ловилась — в том числе и станция «Тихий океан», которая вроде бы работает для наших моряков дальнего плавания...

24 марта усилился ветер, волнение достигло 4–4,5 баллов, что было уже чувствительно для такого маленького суденышка, как наше. Разобрав коллекцию насекомых, я заступил на дежурство по камбузу (распорядок жизни на «Рэйнбоу Уорриор» демократический). Я мыл посуду и помогал Джону Хэссарду готовить пиццу. Он обнаружил незаурядные кулинарные способности: в нашей пицце присутствовали и сыр, и сосиски, и колбаса, и малосольные огурчики, и даже маленькие маринованные початки кукурузы...

К вечеру волнение стало таким сильным, что «Рэйнбоу Уорриор» выключил мотор и поставил паруса. Под парусами корабль движется в согласии с ритмом волн, и качка чувствуется меньше. К 9 часам вечера мы достигли 12-мильной зоны атоллов Муруроа и Фангатауфа и начали описывать «восьмерки» вдоль ее границы. В пределах видимости — пять французских военных судов: фрегат «Лявалле», патрульный корабль «Ля Тапажёз», вспомогательные корабли «Рари» и «Реве», а также буксир «Таапэ». Как мне говорили представители «Гринписа» еще в Москве, именно здесь

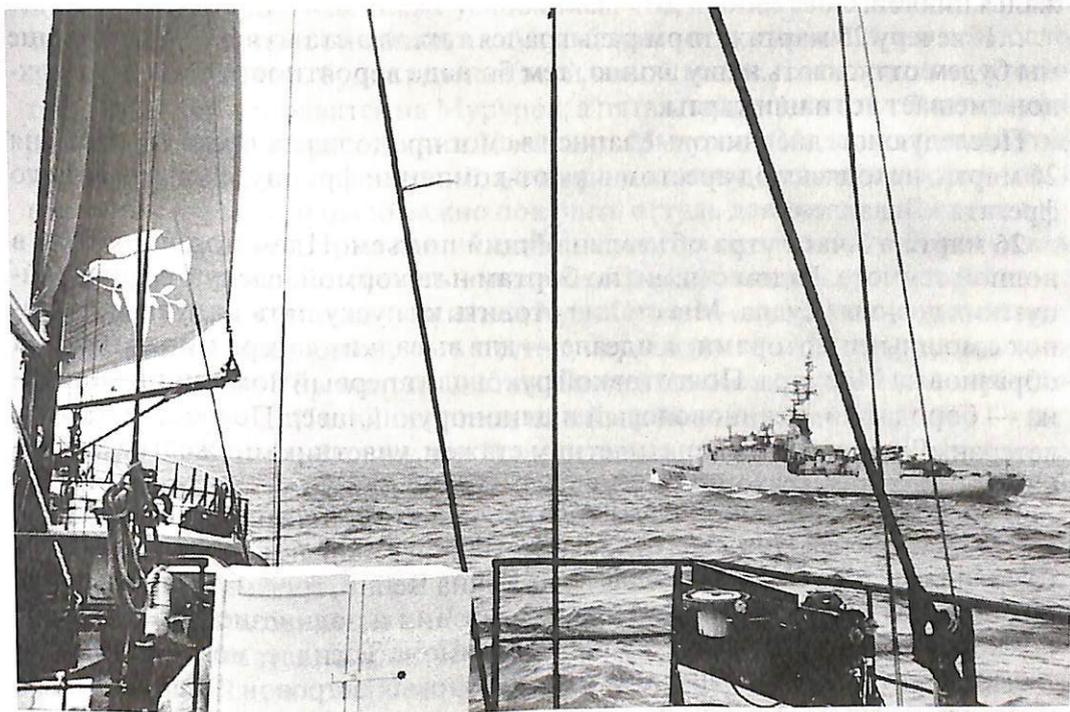
«Рэйнбоу Уорриор» держит курс на Муруоро

должна была начаться знаменитая игра в «кошки-мышки»: у кого раньше сдадут нервы?

В 4 часа утра **25 марта** мне позвонила из Парижа Элеанор О'Хэнлон, попросившая меня прибыть из Таити не в США (где меня, дескать, «не ждут»), а прямо в Париж. Она сказала, что накануне муниципальных выборов необходима моя встреча с Брисом Лалондом — министром экологии Франции.

Позже, в 11.30, мне позвонили из Лондона, из русской редакции Би-Би-Си, и попросили дать интервью о целях нашей акции и об аварии в Сосновом Бору. Между тем у меня по-прежнему не было никаких сведений из наших средств массовой информации. В своем интервью, состоявшемся двумя часами позже, я мог сообщить только то, что однажды побывал на этой АЭС и что там такой же реактор РБМК, как и в Чернобыле. Я также сказал, что, хотя на станции работает, без сомнения, квалифицированный персонал, вызывает большое беспокойство ситуация в операционном зале непосредственно над реактором, где постоянно находятся 20–25 мужчин репродуктивного возраста.

Мне было страшно за этих мужчин и их будущих детей. Дело в том, что в развитии женского и мужского организмов существуют принципиальные различия. Новорожденная девочка имеет уже в принципе сформированные

Французский фрегат «Лявалле», преследующий «Рэйнбоу Уорриор». 25 марта 1992 г.

яйцеклетки, и, соответственно, однократное облучение женщины сильной дозой может привести к тому, что одна или несколько из ее яйцеклеток получат хромосомное поражение (невосполнимое). У мужчин же процесс сперматогенеза идет в течение всего репродуктивного периода, и, соответственно, облученные зародышевые клетки могут быть восполнены. Через три-четыре месяца после облучения мужчина вновь сможет производить нормальные сперматозоиды — при условии, что не были повреждены так называемые стволовые клетки. Что такое стволовая клетка? Это — клетка-родоначальница, которая, последовательно делясь, дает сперматоциты, сперматогонии, сперматиды и сперматозоиды. В принципе, вероятность того, что будет повреждена именно стволовая клетка, а не какая-либо из ее производных, невелика. Поэтому даже после облучения мужчина может включиться в репродуктивный процесс — однако лишь по прошествии четырех месяцев. Я сильно сомневался в том, что обслуживающий персонал АЭС был осведомлен об этой особенности развития мужских половых клеток.

Позже я опять запросил по каналам «Гринписа» данные об аварии, и в 15.00 мне сообщили, что она не имела катастрофических масштабов.

В 17.00 состоялось собрание команды, и руководители акции провели инструктаж на тот случай, если французские военные предпримут репрессивные действия. Мы могли бы еще долго играть с ними в «кошки-мышки»

на периферии 12-мильной зоны, если бы не одно обстоятельство: приблизился циклон.

...К вечеру 25 марта шторм разыгрался так, что стало ясно: чем дольше мы будем оттягивать нашу акцию, тем больше вероятность того, что циклон смешает все наши карты.

Последующие дневниковые записи я смог продолжить лишь в 3 часа дня 26 марта, находясь под арестом в кают-компании французского военного фрегата «Лявалле».

26 марта в 3 часа утра объявлен общий подъем. Идем под парусами в полной темноте. Рядом с нами, по бортам и за кормой, следуют три французских военных судна. Мы стали готовить к спуску пять надувных шлюпок с мощными моторами, в идеале — для высадки «лагеря мира» и сбора образцов на Муруроа. Подготовкой руководит первый помощник капитана — бородатый, длинноволосый и длиннорукий швед Пелле Петтерсон, ветеран «Гринписа» с двадцатилетним стажем, участник множества акций, как морских, так и сухопутных.

В шлюпках размещаются: сам Петтерсон и второй помощник капитана англичанин Дерек Николлс, судовые механики — англичанин Тим Шовел и голландец Йорис Уолкерс, медсестра Шина Чейни, трое матросов — американка Лиз Кэракер, француз Феликс ван Чин и полинезиец Жан Нгпао, кок Клаус Радеcki (немец), радиохимик Симона Трэнделе, морской биолог Валери Смит, а также священник с Соломоновых островов Филип Пупука и ветеран антиядерных акций «Гринписа» голландец Мартини Готье.

На военных кораблях довольно быстро замечают наши приготовления и спускают на воду свои шлюпки, в каждую из которых садится по 7–8 командос. Когда чуть просветлело, мы увидели, что все они — в масках.

Ночь. Дождь. Волны. Качка. Наш «Рэйнбоу Уорриор» идет под синими парусами, и военные корабли не преграждают ему путь. Почему? Дело в том, что, поскольку мы не находились в состоянии войны с французской флотилией, она подчинялась морскому праву, согласно которому судно, идущее под парусами, имеет преимущество перед моторным кораблем. И вот мы продолжаем идти, а в каких-нибудь двухстах метрах справа и слева, отставая от нас на полкорпуса, следуют французские военные корабли. Их прожекторы освещают нас и выхватывают то одну, то другую из наших шлюпок, которые спустя мгновение снова теряются между волнами (достигающими четырехметровой высоты). То и дело мелькают вспышки фотографов. В общем, романтики — хоть отбавляй.

Мы находимся на краю 12-мильной зоны, то есть, грубо говоря, где-то в 20 километрах от Муруроа. В этот сумеречный час, а уж тем более с высоты шлюпок, увидеть атолл было невозможно. Его можно было бы заметить лишь при ярком освещении с капитанского мостика, да и в этом случае только в бинокль. Больше всего мы боялись, что в темноте наши шлюпки могут пройти мимо Муруроа и потеряться в океане.

Все наши шлюпки были оснащены радиосвязью. Вечера на совещании капитан «Рэйнбоу Уорриор» сообщил, что, как только начнет светать, он вый-

дет в эфир на определенной волне и запоем песню. По этому сигналу шлюпки пойдут к Муруроа. Мы также условились, что, пропев свою песенку, он тотчас перейдет на другой канал, чтобы избежать подслушивания, и вся последующая радиосвязь будет идти на этой новой волне. Было решено, что четыре шлюпки отправятся на Муруроа, а пятая пойдет на атолл Фангатауфа, расположенный на расстоянии 20 миль от Муруроа. (На этом атолле сегодня не ведут ядерных испытаний, но в прошлом там были и атмосферные, и наземные взрывы, и было важно получить оттуда данные для сравнения.)

Поначалу вся пятерка наших шлюпок мчитя вдоль левого борта судна. Как только начинает светать и появляется возможность ориентироваться по солнцу, наш капитан — испанец Хуан Гутарт — подает им радиосигнал, и тогда четыре шлюпки, чуть отстав, переходят под прикрытия правого борта «Рэйнбоу Уорриор» и, пытаясь оторваться от командос, устремляются к Муруроа. Пятая шлюпка, на которой находятся Мартини Готье, Симона Трэнгле и Феликс ван Чин, остается у левого борта. Чуть погодя она уходит влево, к атоллу Фангатауфа. Тотчас в погоню бросаются шлюпки с французскими командос. Появляются военные вертолеты.

Накануне состоялось собрание участников акции, где обсуждался план дальнейших действий. Нас 26 человек. В десанте примут участие 13. Что должна делать остальная часть экспедиции? Один вариант — «Рэйнбоу Уорриор» остается на краю 12-мильной зоны, не нарушая ее границы. Но в этом случае наши товарищи будут арестованы, а мы — нет. На собрании мне, конечно, не принадлежало право решающего голоса (скорее, на меня смотрели как на самого старшего члена группы), но когда я сказал, что, по-моему, не дело кому-то лезть на рожон, а остальным вроде бы оставаться чистыми, и потому нам нужно на корабле также идти на Муруроа, — среди собравшихся прошел вздох облегчения.

После того как шлюпки скрылись среди волн, «Рэйнбоу Уорриор» пересек границу французских территориальных вод и пошел к Муруроа. В 6.30 с военного фрегата «Лявалле» нам сообщили, что все наши шлюпки арестованы. (Все ли? Или только те четыре, которые пошли на Муруроа? Этого мы не знали...) Нас также предупредили, что мы нарушили 12-мильную зону и попросили немедленно уйти за ее пределы. Я измерил уровень радиации. Счетчик показывал от 11 до 14 микрорентген в час, то есть вполне нормальный уровень. Однако следует подчеркнуть, что в это время мы находились в открытом океане, где очень мощный водо- и воздухообмен.

Заглянув в капитанскую рубку, я стал свидетелем замечательной беседы:

— «Рэйнбоу Уорриор», «Рэйнбоу Уорриор», вы меня слышите?

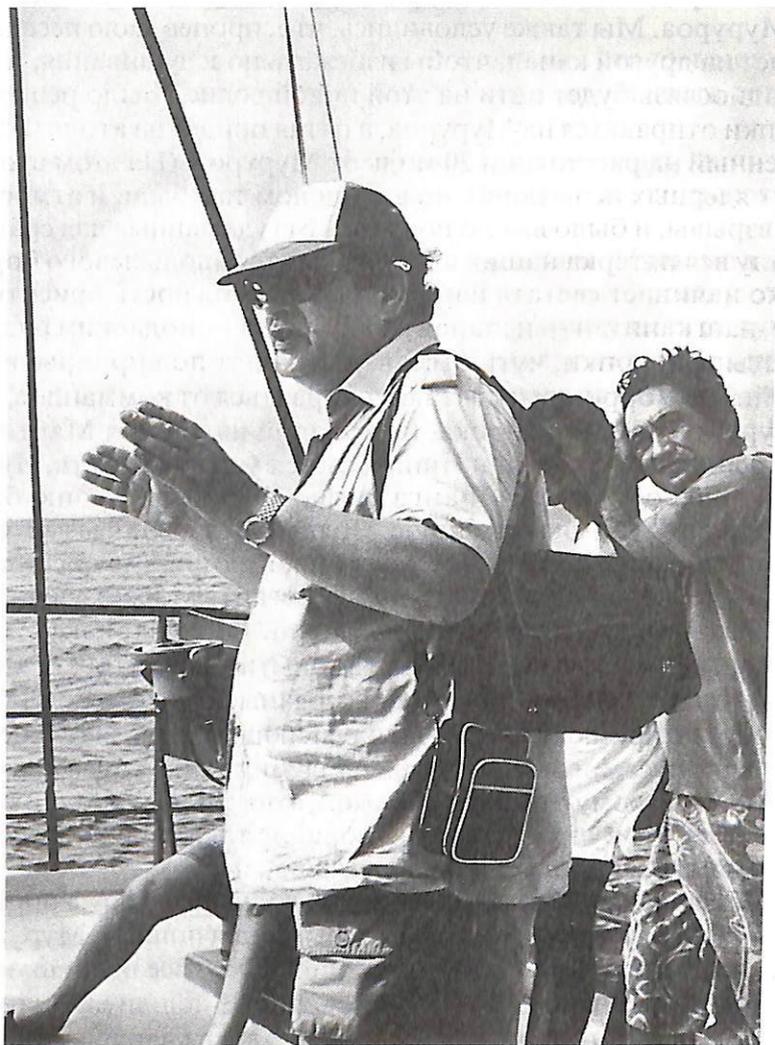
— Да, слышу, — отвечает наш флегматичный капитан.

— Говорит капитан фрегата «Лявалле». Вы в 5 часов нарушили границу французских территориальных вод. Немедленно удалитесь!

— Понял, — отвечает Хуан. — Сменить курс не могу.

— Почему вы нарушили границу территориальных вод?

— Мы хотим высадить лагерь мира на атолле Муруроа и провести там исследования.

Н. Н. Воронцов на борту «Рэйнбоу Уорриор». Справа — Оскар Темару

— Приказываю вам немедленно уйти во избежание неприятностей.

— Ваш приказ, — обреченно говорит Хуан, — выполнить не могу. Следую прежним курсом.

Мне очень нравился наш капитан. Среди нас были романтические герои — например, Пелле Петтерсон. А Хуан был тихий, флегматичный человек. И вот этот скромный каталонец пошел навстречу совершенно неизбежным неприятностям.

Вскоре нас взяли на abordаж. Незадолго до этого, когда стало ясно, что с минуты на минуту нас арестуют, я решил, что самое время пойти на камбуз и съесть бутерброд: кто знает, что ждет нас дальше? В тот момент, когда я намазывал кусок хлеба джемом, в камбуз ворвались французские ком-

мандос в масках. Без маски был лишь их офицер. Он понял, с кем имеет дело, и очень вежливо сказал: «Господин министр Воронцов, прошу вас оставаться на месте». Потом мне было предложено запереть свою каюту и перейти на мостик. Спустя некоторое время меня и других членов команды, собравшихся на мостике, отправили в кают-компанию.

Надо сказать, что члены команды, предвидя наш арест, проделали одну хитрую штуку. Они поменяли местами таблички на дверях радиорубки и медпункта и снесли в последний какую-то примитивную радиоаппаратуру. И в тот момент, когда нас взяли на бордаж, Стефани Миллс и Фил Дорти, укрывшись за дверью с красным крестом, продолжали передавать информацию о происходящем. Вот уже полчаса как судно было арестовано, а с него в эфир все шел и шел репортаж о развитии событий. Потом французские военные, заподозрив неладное, стали спрашивать у нас ключи от медпункта, то есть от реальной радиорубки. Я с чистой совестью ответил, что об этом следует спрашивать у медсестры, которую они арестовали на шлюпке. В конце концов они вскрыли дверь и отключили всю аппаратуру.

Всех членов экспедиции собрали в кают-компании. Время от времени нас выпускали в туалет и покурить. Потом нам сообщили, что на корабле останется только капитан, и попросили всех собрать свой багаж. Предвидя наш арест, все члены акции, кроме меня, успели собрать вещи заранее. Я же, рассчитывая на свою, так сказать, парламентскую неприкосновенность, надеялся, что меня не станут выкуривать с корабля, и не спешил упаковываться. Теперь пришлось идти собирать свои вещи в сопровождении французского десантника. Багаж у меня был непростой — к тому времени у меня накопились десятки листов таитянского гербария, сборы насекомых и т. д. Десантник конфисковал у меня фотопленки (их было всего две, так как в основном я снимал на видео) и видеокамеру с кассетой внутри.

Собрав вещи, я вернулся в кают-компанию, и мы еще долго сидели там, составляя какие-то акты, описи и протоколы. От скуки Жан-Люк Терри начал петь русские песни, и нам с Юрием Мешковым пришлось подпевать. Наконец, нас стали перевозить на французский фрегат. Расцеловавшись с Хуаном, я сел в шлюпку командос. Туда же перекинули мой багаж. В шлюпке было больше чем по щиколотку воды, и у меня вымокло все — и гербарий, и залежавшийся костюм.

На борту «Лявалле» с нами обходились очень вежливо — даже предложили бутерброды и разные прохладительные напитки. Но суть дела от этого не менялась: арест есть арест, и нас попросили представить вещи для повторного досмотра. У меня изъяли кораллы (видимо, из опасения, что они могут содержать радиоизотопы). Впрочем, впоследствии их вернули. Я чуть было не лишился и своих видеоматериалов; но, по счастью, практически все отснятые мною кассеты были упакованы в коробку от сигар. В другой такой же коробке у меня хранились энтомологические сборы с Таити. «Что у вас там?» — спросили меня военные. Я ответил: «Энтомологические коллекции — пожалуйста, смотрите», — и предъявил соответствующую коробку. «А там что, то же самое?» — указали они на вторую ко-

робку. «Видимо, да», — сказал я. В результате были спасены все видеокассеты, за исключением двух, снятых в последний день.

Между тем «Лявалле» двигался в направлении Муруроа и в 15.40 вошел в лагуну. (Я измерил уровень радиации: 14 микрорентген в час.) Наконец мы пристали к святой святых французской ядерной мафии. Нас посадили на автобус и вместе с багажом доставили на берег. Нашим глазам предстал очень хорошо обустроенный военный объект — с широкими шоссе и добротными бетонными кубиками-домами для солдат (нашим бы солдатам так жить!). На пляже — навесы. Под одним из них стали составлять протокол о нашем преступлении. Но дело шло туго, поскольку лишь немногие из нашей интернациональной группы владели французским языком. Я высказал протест, заявив, что при аресте иностранных граждан следовало связаться с представителями посольства (надо заметить, что от ближайшего российского посольства в Новой Зеландии нас отделяло примерно 8 тысяч километров). Мне вернули фотопленки, но когда я стал требовать назад и видео, их снова отобрали. Наконец протокол был составлен; мне зачитали его в переводе на английский язык и спросили: согласен ли я? Я ответил, что не согласен и, в частности, протестую против вскрытия багажа персоны с дипломатическим иммунитетом. К нам подошел французский адмирал Франсуа Керра, руководивший операцией по захвату «Рэйнбоу Уорриор», и выразил мне нечто вроде извинения. Я довольно резко ответил ему, что извиняться тут не за что — ведь я участвовал в акции по своей воле.

Потом нас отвезли в аэропорт и сообщили, что все мы будем депортированы из Французской Полинезии, за исключением граждан Франции и Французской Полинезии (то есть Жан-Люка Терри и Феликса ван Чина, а также Оскара Темару и еще двоих полинезийцев — священника и матроса). Было неясно, куда именно нас вышлют. Позднее, в 21 час, нам сообщили, что депортация не коснется представителей средств массовой информации. В это же время к нам присоединились остальные члены акции — те, которые ушли на шлюпках. Это был трогательный момент — ведь мы знали только то, что они арестованы, но не были уверены в том, что они не пострадали. Стефани Миллс увезли на радиопереговоры с нашим капитаном. Как выяснилось, корабль был опечатан и отправлен в лагуну атолла Фангатауфа (поскольку приближался циклон «Хетти», и капитан не мог находиться один в открытом океане). После улучшения погоды «Рэйнбоу Уорриор» отбуксируют в международные воды. Вскоре в аэропорту Муруроа приземлился военный вертолет, прилетевший с Фангатауфа. На нем привезли конфискованную у нас фотоаппаратуру и обещали вернуть ее в самолете, который повезет нас на Таити. Что же касается пленок, то нам сказали, что их проявят и вернут — в том случае, если не обнаружится кадров с секретными объектами. (Одна из моих пленок была снята задолго до экспедиции, в Йемене; другую я целиком израсходовал, снимая картины мирной жизни на атолле Херехеретуе. Они не вернулись ко мне до сих пор...)

Принципиальное решение о нашей высылке принято, и «Каравелла» — военный самолет, который должен доставить нас на Таити, — давно стоит

под парами, однако усилились дождь и ветер, и наш вылет задерживается. В это время Симона Трэнгле, самая миловидная из участниц экспедиции, начинает объяснять увивающимся вокруг нее французским офицерам смысл нашей акции. Она говорит настолько интересно и убедительно, что несколько офицеров откровенно признаются: душой они с нами. Я подозреваю, что если бы нелетная погода продолжалась еще пару дней, то в рядах французской армии произошел бы раскол...

Но в 23 часа мы садимся в «Каравеллу». Перед посадкой мне удастся замерить уровень радиации на Муруроа. Он говорит о том, что на атолле существует остаточное загрязнение после атмосферных взрывов. (Напомню, что основное беспокойство сегодня вызывают подземные и подводные взрывы — в частности, их разрушительное влияние на коралловые рифы.)

27 марта в час ночи «Каравелла» совершает посадку на Таити. Нас встречают полицейские чины, предводительствуемые господином Жежером, в свое время так и не решившимся ни послать мне письменное приглашение, ни стать моим гостем на борту «Рэйнбоу Уорриор». Поскольку кутузка в аэропорту Папэте рассчитана на одного-двух контрабандистов, то нашу большую и разношерстную компанию, за неимением прочих изолированных помещений достаточного размера, препровождают в зал VIP. Думаю, что далеко не все из нас поняли, куда попали. Но я знал, что среди нас есть один человек, который наверняка оценит иронию ситуации. Это был матрос-полинезиец Жан Нгпао. В свое время он, смеха ради, нацепил этикетку VIP от моего чемодана на свой, мягко говоря, непрезентабельный багаж — грязный холщовый мешок. Теперь я показал ему табличку на двери зала, куда нас поместили, и он пришел в полный восторг.

Нас разделили на три группы. В первую вошли французы Жан-Люк Терри и Феликс ван Чин, а также полинезийцы — Оскар Темару, священник Теура Тетоху и матрос Жан Нгпао. Им, как гражданам Франции, было разрешено оставаться на Таити без всяких ограничений. Не высылали также журналистов — причем не только Юрия Мешкова из «Независимой газеты» и двух «местных» репортеров (австралийца Питера Мэйрса и новозеландца Фила Дозрти), но и явно зловредных Рэнди Байрд и Тони Марринера. (Юная американка Рэнди фактически была членом команды «Рэйнбоу Уорриор» — она отвечала за проявку цветных пленок и перекачку фотоинформации через спутник; но коль скоро в судовом журнале она числилась как фотограф, то ей было разрешено остаться. Тони, профессиональный телерепортер из Англии, постоянно работал с «Гринписом» добрых два десятка лет. У него изъяли отснятые кассеты, но конфискация практически не имела смысла — их содержание уже было передано по спутниковой связи...)

Вторую группу составили английский физик Джон Хэссард и я. Нам предписывалось покинуть Французскую Полинезию в течение 24 часов, однако мы могли спокойно переночевать в отеле «Таити» и продневать в городке Фааа как гости Оскара Темару.

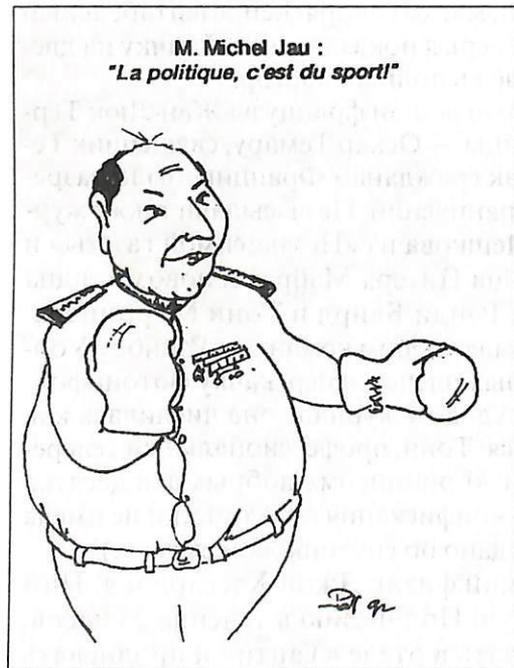
В третью группу вошли главные злодеи, подлежащие высылке ближайшим авиарейсом. Это — душа всей политической и программной части на-

шей акции новозеландка Стефани Миллс, первый помощник капитана и организатор шлюпочного десанта швед Пелле Петтерсон, механик Тим Шовел и медсестра Шина Чейни (оба из Англии), девушка-матрос из Америки Лиз Кэракер, а также радиохимик из Германии Симона Трэндле, морской биолог из Шотландии Валери Смит, корабельный кок из Германии Клаус Радецки и священник с Соломоновых островов Филип Пупука.

Исключение составили наш капитан Хуан Гутарт, оставшийся на борту, и несколько членов команды (Дерек Николлс, Доминик Элсман, Йорис Уолкерс и Мартини Готье), которых оставили на Муруроа, откуда их должны были переправить на атолл Фангатауфа, чтобы помочь Хуану вывести «Рэйнбоу Уорриор» в нейтральные воды.

Тем из нас, кто подлежал депортации, выдали авиабилеты, купленные французским министерством внутренних дел. Свой неиспользованный обратный билет (Папеэте — Сан-Франциско — Сент-Луис — Вашингтон — Париж — Москва) я впоследствии отдал сотрудникам «Гринписа», и им удалось вернуть заплаченные за него деньги. Таким образом, половина моего маршрута была оплачена министерством внутренних дел Франции, чем оно оказало существенную финансовую помощь «Гринпису».

Ко мне подошел пожилой человек и сказал, что он — консул Великобритании и ему поручено представлять мои интересы. Он вручил мне постановление о высылке из Французской Полинезии. Под документом стояла подпись верховного комиссара Мишеля Жо, который незадолго до того пред-

Мишель Жо: «Политика — это спорт!»
Шарж из журнала «Tahiti-Pacifique».
Апрель 1992 г.

REPUBLIQUE FRANCAISE
Liberté - Egalité - Fraternité

HAUT COMMISSARIAT DE LA REPUBLIQUE EN POLYNESIE FRANCAISE

Arrêté n° 373 (CAB du 26 mars 1992
Pour la expulsion et interdiction d'entrée en Polynésie Française
des ressortissants étrangers

LE HAUT-COMMISSAIRE DE LA REPUBLIQUE EN POLYNESIE FRANCAISE

VU la loi n° 84-820 du 6 septembre 1984 modifiée par la loi n° 90-612 du 12 juillet 1990, portant statut du Territoire de la Polynésie Française ;

VU la loi du 3 décembre 1849 sur la naturalisation et le séjour des étrangers en France, notamment son article 7, ainsi que la loi n° 29 mai 1874 ;

VU l'arrêté du Haut-Commissaire de la République en Polynésie Française n° 235/AM du 17 février 1987 suspendant la navigation dans les eaux territoriales des atolls de Moruroa et Fangataua ;

VU le code disciplinaire et pénal de la marine marchande, notamment ses articles 36.38 et 63 ;

Considérant que malgré les mises en garde dont il a fait l'objet l'intéressé a commis des infractions aux textes précités en péchant dans les eaux territoriales de Moruroa ;

Considérant de ce fait il a cherché à porter atteinte aux intérêts de la Défense Nationale ;

A R R E T E

ARTICLE 1er : Sont prononcées l'expulsion et l'interdiction de toute nouvelle entrée sur le territoire de la Polynésie Française de :

VORONSTOV Nikolai
né le 01/01/34 de nationalité Russe

ARTICLE 2 : Le Directeur des Polices Urbaines, le Commandant du Groupement de Gendarmes de la Polynésie Française et le Chef de la Police de l'Air et des Frontières sont chargés chacun en ce qui les concerne de l'exécution de ce présent arrêté qui sera notifié à l'intéressé.

Ampliations :

DRCL	4	BE
REG	1	SG
DPJ	1	DIR.CAB
PAP	1	CAB
GEND	1	MEDETOM
DIR	1	
PST	1	

Raymond BARRON
Haut-Commissaire de la République en Polynésie Française
Michel JAU

Постановление верховного комиссара
Французской Полинезии о депортации
Н. Н. Воронцова. 26 марта 1992 г.

лагал нам слетать на Муруроа и взять пробы в «специально отведенных» точках. Консул помог мне с переводом постановления с французского на английский язык и спросил, есть ли у меня замечания. Я сказал, что выражаю протест по поводу нарушения моего дипломатического иммунитета.

Примерно в четыре часа пополуночи все процедуры были завершены. Тех, кто подлежал немедленной депортации, отправили в международный сектор аэропорта, а остальных, включая меня, выпустили в зал ожидания. Нас встретил шквал аплодисментов. Несмотря на поздний час, нас поджидали примерно 250 полинезийцев. Торжественно надев на шею каждому гирлянды цветов, нас рассадили по машинам и отвезли в близлежащий городок Фааа, мэром которого был лидер движения за независимость Полинезии Оскар Темару, принимавший участие в нашем походе.

Местные жители устроили в нашу честь праздничную церемонию. Мы были смущены — ведь, если говорить по справедливости, почестей заслуживали в первую очередь такие люди, как Стефани Миллс и Пелле Петтерсон — организаторы и руководители акции. Но их уже выслали, и в центре внимания оказались мы, и для нас прозвучали речи и был устроен концерт. Лидеры движения за независимость Полинезии очень основательно подготовились к нашему возвращению. Достаточно сказать, что на встречу прибыли представители островов Уоллис (лежащих в нескольких тысячах километров к западу от Таити) и член общественного движения Новой Каледонии, не считая полинезийцев с близлежащих островов. Правда, с пониманием того, о чем они говорили, у нас было плохо — ведь говорили они на полинезийском языке. С нами уже не было понимавшей по-полинезийски Стефани Миллс, и мы могли только догадываться, о чем идет речь.

Несмотря на это, выступление Оскара Темару меня поразило. (Кстати, он бывал у нас в Союзе и знакомился с тем, как в Казахстане развивается движение за прекращение деятельности Семипалатинского ядерного полигона.) Его речь была посвящена трагической судьбе полинезийского народа. Он говорил о том, что потеряли полинезийцы с превращением их родины во французскую колонию, об ущербе, который нанесли их земле и здоровью ядерные взрывы. Я ничего больше не могу сказать о содержании его речи. Но зато могу сказать кое-что другое: в своей жизни мне довелось повидать достаточно много политических лидеров и услышать немало ярких, зажигательных речей из их уст, однако я никогда не видел, чтобы во время таких выступлений слушатели плакали, и плакал сам оратор. Это произвело на меня огромное впечатление.

После выступления Оскара Темару состоялся замечательный концерт полинезийской музыки. А потом хозяева церемонии выстроились в ряд, и мы, как гости, двукратно целовались с каждым из них. (Так что традиции, описанные еще Бугенвилем и Куком, в какой-то степени сохраняются по сей день.) В завершение церемонии нас угостили дарами благодатной таитянской земли — плодами хлебного дерева, кокосовым молоком и множеством других яств, большую часть которых мы видели впервые.

Лишь в 5 часов утра мы с Жан-Люком Терри отправились в отель «Таи-

ти», расположенный в этом же городке. Только я успел заснуть, как уже в 7 часов раздался стук в дверь, и вежливый молодой чиновник (приставленный к нам жандармерией еще в аэропорту) спросил, все ли у меня хорошо, и напомнил, что мне разрешено оставаться на Таити не более 24 часов, из которых столько-то уже истекло. Я ответил, что задерживаться дольше этого срока не собираюсь, после чего попытался еще немного поспать.

За оставшееся у меня время я мог либо принять участие в нескольких пресс-конференциях, либо совершить последнюю экскурсию по острову. Оскар Темару и остальные участники акции отправились на пресс-конференции, но я предпочел экскурсию и вместе с матросом Жаном Нгпао на любезно предоставленной нам машине отправился вокруг Таити. При выезде из Папеезе движение было затруднено: на дороге расположилась сидячая демонстрация местных жителей с плакатами в поддержку антиядерных акций и свободы Полинезии. Они заняли одну сторону дороги, и машины могли двигаться, но очень медленно — так что проезжавшие люди волей-неволей обращали внимание на требования демонстрантов. Они узнали во мне одного из участников акции «Гринписа» (за последние дни нас неоднократно показывали по телевидению), и мне пришлось выйти из машины, чтобы ответить на их дружественные приветствия.

Затем мы продолжили путь по дороге, которая уже была мне известна по ботанической экскурсии перед отплытием на Муруроа. Снова тут и там на дорожном полотне во множестве лежали кокосовые орехи. В одном месте, где скалы прижимали дорогу вплотную к берегу океана, я увидел какой-то клубок мелкой пыли и решил, что это, наверное, упал очередной орех. Но Жан остановил машину и с весьма торжественным видом подвел меня к довольно обыкновенному на вид отверстию в грунте, диаметром не более 80 сантиметров. Такие пещерки я видел много раз, и мне было невдомек, чем вызваны его таинственность и многозначительность. И вдруг из дыры раздалось совершенно жуткое «у-у-у», сопровождавшееся фонтаном брызг. То, что я издали принял за клубок пыли, оказалось очень любопытным явлением: прибойные волны промыли в карстовой породе сквозной тоннель и периодически захлестывали его дно, в результате образовалась аэродинамическая труба с потрясающим акустическим эффектом. Должен признаться, что у меня от ужаса волосы встали дыбом, хотя я отлично понимал происхождение этого звука. Я представил себе, как эту штуку должны были воспринимать первые полинезийцы, высадившиеся на Таити полторы тысячи лет назад, или первые европейские колонисты. Потрясающее пособие для развития веры в потусторонние силы!

Вернувшись в Папеезе, я распрощался с товарищами по экспедиции и в ночь с 27 на 28 марта вылетел через Лос-Анджелес в Париж.

В 6 часов вечера **29 марта** я прибыл в Париж, где меня ждали представители «Гринписа», рассчитывавшие на мое участие в ряде встреч с французской прессой, радио и телевидением. Однако на пограничном контроле в аэропорту меня задержали «до выяснения обстоятельств». Пограничники стали названивать в свое министерство внутренних дел и вести какие-то длинные

переговоры. Через некоторое время я потребовал, чтобы меня соединили с нашим посольством. Мне ответили, что представитель российского посольства, а также сотрудники «Гринписа» ждут меня «на той стороне» границы. Я возмутился и потребовал встречи с ними, и через некоторое время в международную зону аэропорта допустили Элеанор О'Хэнлон и работника нашего посольства. Началось пресловутое «выяснение обстоятельств». В тот воскресный день во Франции проходили муниципальные выборы, и, по-видимому, власти боялись, что меня будут встречать представители средств массовой информации (так оно и вышло) и мои высказывания, оперативно переданные по радио и телевидению, каким-то образом повлияют на исход голосования. Разумеется, я не столь высокого мнения о себе, чтобы воображать, будто способен повлиять на французские выборы; но, так или иначе, обстоятельства выяснялись ровно 5 часов. И лишь когда до окончания выборов оставался один час, мне было объявлено, что я могу воспользоваться своей дипломатической визой и вступить на территорию Франции. В поведении французских властей я почувствовал некие нюансы, с которыми мне не раз приходилось сталкиваться у нас в период тоталитарного режима.

* * *

Что же происходило вокруг акции «Гринписа» в мире и, в частности, во Франции? Как только я сел в самолет в Папэте, на борту стали показывать программу последних известий французского телевидения. Нашей акции было уделено огромное внимание: показали снятые с военных вертолетов и кораблей кадры захвата наших лодок, показали доставку нашей группы на Муруроа. Я летел и смотрел, как меня арестовывают.

Далее, вскоре после нашего ареста — 28 марта — скалолазы из французского «Гринписа» вывесили поперек парижской Триумфальной арки огромный плакат с призывом «Прекратить ядерные испытания в Океании и запретить все ядерные испытания!» Конечно, французские власти подозревали, что «Гринпис» должен каким-то образом поддержать в Париже акцию, происходившую в другом полушарии, но они не могли знать, как именно и в каком месте это произойдет. Короче говоря, плакат был беспрепятственно водружен, и, пока властям удалось найти лояльных скалолазов для его демонтажа, прошло достаточно времени, чтобы он попал на телеэкраны.

Интересной была реакция французского министра экологии Бриса Лалонда. Когда-то он начинал свою политическую карьеру в «Гринписе», однако довольно быстро отошел от этого движения. (Бенгт Даниэльссон ехидно замечал, что, дескать, Брису не повезло: был «гринписовцем», а стал ординарным французским министром.) Тем не менее буквально накануне муниципальных выборов он резко осудил действия, предпринятые французским правительством против «Гринписа», и выступил за прекращение ядерных испытаний на Муруроа. (Таким образом, он оказался примерно в таком же положении, в котором в свое время побывал и я, когда, будучи министром экологии СССР, выступал против ядерных испытаний на Новой Земле и в поддержку моратория.)

Вообще надо отдать должное стратегам «Гринписа» — они оказались очень опытными политиками. Время проведения нашей акции было выбрано с тонким расчетом на то, что в преддверии выборов средства массовой информации проявят к ней повышенное внимание, а спецслужбы не осмелятся обращаться с нами так, как они могли бы себе позволить в иных обстоятельствах. Эффект оказался просто поразительным: две французские партии «зеленых» набрали в сумме 15% голосов. В то же время для близких к правительству партий во главе с социалистами эти выборы оказались гораздо менее успешными, чем предыдущие. Однако и оппозиционные партии не смогли набрать абсолютного большинства. Таким образом, вопрос о том, к кому примкнут 15% «зеленых» голосов, оказался определяющим для формирования нового правительства.

В Париже у меня был очень плотный график встреч с представителями различных средств массовой информации, во время которых я пытался разъяснить политику России. Тем не менее мне удалось провести целый день в Музее естественной истории, и это было замечательно. Мне было приятно побывать в святом для всех биологов месте, увидеть дом, в котором жили, работали и спорили друг с другом Жан-Батист Ламарк, Жорж Луи Леклерк Бюффон и Жоффруа Сент-Илер. Мне было психологически необходимо пообщаться со своими коллегами-учеными, потому что я слишком устал от контактов с французской администрацией, политиками и политиками на Таити. Соприкасаясь только с жандармерией, сторонниками ядерной мафии и военными, которые были нашими визави в ходе этой акции, было легко вынести очень неблагоприятное представление о французах. Но здесь, в музее, я снова попал в свою среду и почувствовал взаимопонимание, в том числе и по вопросу немедленного прекращения ядерных испытаний.

В конце моего пребывания в Париже я встретился с лидерами одной из французских партий «зеленых». Они, если можно так выразиться, упивались своей победой на прошедших выборах, и у меня возникло ощущение, что перспектива получения министерских портфелей, процесс завоевания власти, волнует их больше, чем собственно экологические проблемы. Впрочем, быть может, я не вполне справедлив...

* * *

Я вернулся в Москву 5 апреля. На следующий день открывался съезд народных депутатов. В ходе съезда я много общался с журналистами. «Комсомольская правда» повеселилась, опубликовав интервью со мною под названием «Наш министр пришелся аборигенам по вкусу». Вечером 8 апреля мне домой позвонила находившаяся в те дни в Москве Флориана Фоссато и сказала, что у нее для меня большой и очень приятный сюрприз: сегодня Франсуа Миттеран объявил, что Франция присоединяется к мораторию на ядерные испытания. Надо признаться, что я не ожидал такого успеха. Дело, конечно, было не только в нашей акции. Она была далеко не первой: не считая предшествующих акций «Гринписа» против ядерных испытаний во Французской Полинезии (если мне не изменяет память, наша была десятой по сче-

ту), огромную роль сыграли и экспедиции французских ученых — океанолога Жак-Ива Кусто (обнаружившего в основании атолла Муруроа свежие трещины, сопоставимые с тектоническими разломами) и вулканолога Гаруна Тазиева (зафиксировавшего загрязнение недр атолла радионуклидами). Нельзя обойти молчанием и вклад Бенгта и Марии-Терезы Даниэльссонов, в частности — их замечательную книгу «Отравленный рай», в которой был дан нелюбезный обзор последствий французских ядерных взрывов в Полинезии. (Написанный по-полинезийски, «Отравленный рай» был впоследствии опубликован ими практически на всех европейских языках, за исключением французского.) Все это, вкупе с последними выборами и смелой правительством, оказало несомненное влияние на решение Миттерана.

9 апреля я пришел на съезд, подошел к Ельцину и сказал: есть новость из Франции — она присоединяется к мораторию. Он ответил, что уже знает об этом — утром получил телеграмму от Миттерана. Я попросил слова вне очереди. Председатель заседания дал мне полторы минуты, и я предложил съезду народных депутатов вынести резолюцию в поддержку французского моратория. Я также предложил принять обращение к парламентам остальных ядерных стран с призывом сделать все возможное для того, чтобы каждая из них присоединилась к теперь уже российско-французскому мораторию.

Резолюция, которую я зачитал, была принята с удивительным единодушием (против нее проголосовал всего один человек!). Думаю, что на съезде больше не было голосования с таким результатом.

В конце апреля я отправился в США на очередной российско-американский симпозиум «Наука и техника с человеческим лицом». Эти симпозиумы (всего их состоялось шесть) были организованы выдающимся специалистом по истории российской науки, профессором Массачусетского технологического института и Гарвардского университета и моим близким другом Лореном Грэхэмом. Примечателен их символ: двойная спираль ДНК, на которую наложена кинолента, а на ней — два портрета: Эйнштейна и Сахарова. Одной из главных тем симпозиума была эволюция взглядов Сахарова: каким образом создатель водородной бомбы пришел к убеждению о необходимости полного запрещения ядерных испытаний?

После симпозиума, проходившего в университетском городке Кембридже (штат Массачусетс), по приглашению американского «Гринписа» я побывал в Калифорнии, где прочел несколько лекций, а затем в Вашингтоне, где встречался с американскими сенаторами. К тому времени американский сенат еще не принял заявления о прекращении ядерных испытаний. Под заявлением стояли подписи 45 из 100 сенаторов, а для того, чтобы оно получило юридическую силу, их число должно было превысить 50.

Одним из тех, с кем я встречался, был Альберт Гор (в то время — кандидат на пост вице-президента США от демократической партии). Несмотря на то, что Гор был известен своим вниманием к экологическим проблемам, к моменту нашей встречи он еще не подписал заявления в поддержку присоединения США к мораторию на ядерные испытания. (В отличие от России, где политики, как правило, подписывают подобные документы пер-

выми, американские политические лидеры предпочитают подписывать их в последнюю очередь.) Так или иначе, после встречи с Гором и еще одним влиятельным сенатором (республиканцем от штата Аляска, господином Маховским, который был весьма обеспокоен накоплением радионуклидов в тундровых экосистемах американского Севера) появилась надежда на то, что сенат США может проголосовать за мораторий. Опасаясь этого, американские ядерные силы стали оказывать мощное давление на Джорджа Буша, призывая его, в случае принятия Сенатом моратория, наложить на него президентское вето. Согласно американским законам Буш мог бы наложить вето, если бы за мораторий высказалось не более двух третей сенаторов. Однако, неожиданно для ядерной мафии, за объявление моратория на ядерные испытания высказались 68 сенаторов! Таким образом, президент США не может наложить вето на это решение, и оно получает силу закона.

В соответствии с решением Сената с ноября 1992 года США объявляют мораторий на проведение ядерных испытаний сроком на 9 месяцев. Согласно принятому ранее графику ядерных испытаний, до этой даты американцы произведут еще два взрыва на полигоне в Неваде. Совершенно ясно, что американские ядерные силы сделают все возможное, чтобы произвести не два, а хотя бы три-четыре взрыва в оставшиеся сроки. Они прекрасно понимают: чем больше взрывов они произведут, тем более вескую аргументацию для возобновления ядерных испытаний получают их «коллеги» в России и Франции. Действуя таким образом, можно продолжать эту гонку без конца...

* * *

14-я глава в воспоминаниях Андрея Дмитриевича Сахарова называется «Непороговые биологические эффекты»*. О чем идет речь? При взаимодействии человека с окружающей средой возникает ряд эффектов, характеризующихся определенным порогом. Грубо говоря, чай, имеющий температуру 70°C , можно пить — ротовая полость и пищевод человека безболезненно выдерживают эту температуру. Но при температуре чая в 90°C мы обожжемся. Значит, существует какой-то температурный порог, который во втором случае был превышен. Однако если тем же чаем, нагретым до 70°C , капнуть на руку, тотчас вскочит волдырь. Таким образом, порог чувствительности для эпителия пищевода и кожи — различен.

Наряду с этим существуют эффекты, которые не имеют определенного порога. К примеру, вопрос о том, какой уровень радиации безвреден, а какой — пагубен, имеет чисто статистический ответ, ибо порога в этом случае не существует. Что я имею в виду? Во-первых, мы живем в мире, где постоянно присутствует какой-то уровень радиации, подверженный значительным колебаниям. Так, благодаря космическому излучению, уровень радиации во время перелета на современном лайнере повышается примерно в 10–15 раз по сравнению с тем, который наблюдается на поверхности Земли. (Как я уже упоминал, перед вылетом с Муруроа я смог замерить уро-

* Сахаров А. Д. Воспоминания. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1990. С. 261–278. Ниже воспоминания А. Д. Сахарова цитируются по этому изданию.

вень радиации в аэропорту, составивший 13–15 микрорентген в час. Когда наш самолет набрал высоту, я произвел повторный замер. Уровень радиации составил уже 119–135 микрорентген в час.) Совершая перелеты, мы подвергаемся повышенному радиационному воздействию. Соответственно, авиаперсонал, который летает постоянно, получает значительные дозы облучения. Означает ли это, что каждый пассажир или каждый летчик по истечении какого-то времени, проведенного в воздухе, получит какую-то мутацию? На этот вопрос можно ответить только так: с увеличением этого времени повышается вероятность возникновения мутации. По счастью, в большинстве случаев мутагенные клетки гибнут. Но уцелевшие получают способность к неконтролируемому росту и начинают вытеснять нормальные клетки. Возникают новообразования в виде опухолей. Таков эффект радиоактивного излучения и действия других мутагенных факторов — физических и химических. И этот эффект не имеет порога.

Мы постоянно подвергаемся риску. Когда мы садимся в машину, мотоцикл или самолет, мы рискуем. Печальная статистика гибели людей в автомобильных авариях вызывает вопрос: почему никто не пытается полностью запретить автомобильное движение? В чем здесь разница с радиацией? Разница в том, что, пользуясь автомобилем, мы делаем свой выбор, продиктованный нашими собственными интересами или обстоятельствами нашей жизни. Мы делаем подобный выбор, когда курим или идем работать на атомную электростанцию. Что же происходит в случае ядерных взрывов или таких аварий, как Чернобыльская? Люди, которые не выбирали для себя этого образа жизни, становятся жертвами решений, принятых кем-то другим. Именно в этом, как мне представляется, состоит глубокая безнравственность ядерных экспериментов над человеком. То же самое в свое время почувствовал и Андрей Дмитриевич Сахаров. Отмечу любопытное совпадение. Я уже говорил, что моя первая статья о биологическом влиянии ядерных взрывов была опубликована в 1957 году. Примерно тогда же этими вопросами заинтересовался и Андрей Дмитриевич (с которым я познакомился лишь в 1989 году, в год его смерти). В своих воспоминаниях он пишет: «В 1957 году я написал, а в 1958 — опубликовал (в журнале “Атомная энергия” за июль 1958 года) статью “Радиоактивный углерод ядерных взрывов и непороговые биологические эффекты”. Работа над ней явилась важным этапом формирования моих взглядов на моральные проблемы ядерных испытаний» (с. 266). Первоначальная цель его статьи состояла в том, чтобы осудить новую американскую разработку (так называемую «чистую» термоядерную бомбу, в которой не используются делящиеся материалы), не затрагивая обычного термоядерного оружия. «Цель, — признается Сахаров, — была откровенно политической, и поэтому присутствовал неблагоприятный элемент некоторой односторонности» (с. 266).

Я не пытаюсь сравнивать себя с Сахаровым, но справедливости ради надо сказать, что и в моей статье 1957 года, несомненно, было немало элементов подобной политической односторонности, — я акцентировал внимание на

мирных инициативах Советского Союза по объявлению моратория, рассматривая их в свете данных о биологических последствиях американских и английских ядерных испытаний в Океании, а также взрывов в Хиросиме и Нагасаки (данных по нашим испытаниям в ту пору просто не было).

Работа над вышеупомянутой статьей привела Андрея Дмитриевича к следующему заключению:

«Количество жертв дополнительной радиации* определяется непороговыми биологическими эффектами» (т. е. такими, которые действуют при самых малых дозах облучения и приводят статистически к большим итоговым эффектам смертности и болезней за счет того, что облучению подвергаются огромные массы людей, все человечество на протяжении многих поколений)**. «Простейшим непороговым эффектом является воздействие на наследственность... Для необратимого изменения гена — так называемой генной мутации — достаточно одного акта ионизации, поэтому необратимые изменения могут возникать при самых малых дозах облучения с вероятностью, точно пропорциональной дозе» (с. 266–267).

Это заключение Сахарова абсолютно верно. Оно в значительной степени перекликается с исследованиями моего учителя и старшего друга Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского, который был одним из основателей радиационной генетики. В своей знаменитой лекции о биофизическом анализе мутационного процесса, впервые прочитанной в домашнем кружке моего тестя Алексея Андреевича Ляпунова в 1955 году, он обратил внимание на то, что одна мутация связана с одной ионизацией (это было показано в работах, выполненных им еще в 1930-е годы). Что это означает? В частности, то, что жесткость облучения не имеет определяющего значения. Так называемое мягкое облучение может вызвать не меньший генетический эффект. Для иллюстрации этого положения Тимофеев-Ресовский любил пользоваться, как он сам выражался, такой грубой аналогией. Представьте себе, что через толпу людей идут два человека и раздают тумаки направо и налево. Возникает вопрос: сколько человек толкнет тот из них, кто идет быстро, и сколько — тот, кто идет медленно? Больше число людей толкнет идущий медленно; подобно этому, мягкое излучение может вызвать большее количество актов ионизации.

По оценке Сахарова, суммарный эффект радиации на продолжительность человеческой жизни составляет 3×10^{-4} на рентген. Исходя из этой оценки (которую сам он считал заниженной) и приняв среднюю продолжительность человеческой жизни за 20 тысяч дней, он пришел к выводу, что каждый рентген глобального облучения уменьшает ее на одну неделю; общее же число жертв от взрыва мощностью в одну мегатонну Сахаров оценил в 10 тысяч человек. К 1957 году общая мощность испытанных ядерных

* Речь в данном случае идет о последствиях образования в атмосфере радиоактивного изотопа углерода C^{14} , возникающего в результате взаимодействия с ядрами азота нейтронов, которые примерно в одинаковом количестве выделяются и при «чистом» термоядерном взрыве, и в «обычном» водородном заряде.

** Период полураспада C^{14} составляет 5000 лет, поэтому эффект сказывается медленно.

бомб достигла почти 50 мегатонн, — что, по оценке Сахарова, уже на тот момент соответствовало гибели полумиллиона человек!

Какие моральные и политические выводы следует сделать из приведенных цифр? — пишет Андрей Дмитриевич в своих воспоминаниях. — Один из аргументов сторонников теории «безобидности» испытаний заключается в том, что космические лучи приводят к большим дозам облучения, чем дозы от испытаний. Но этот аргумент не отменяет того факта, что к уже имеющимся в мире страданиям и гибели людей дополнительно добавляются страдания и гибель сотен тысяч, в том числе, в нейтральных странах, а также в будущих поколениях. Две мировые войны добавили менее 10% смертности в XX веке, но это не делает войны нормальным явлением.

Другой распространенный в литературе ряда стран аргумент сводится к тому, что прогресс цивилизации и развитие новой техники и во многих других странах приводит к человеческим жертвам. Часто приводят пример с жертвами автомобилизма. Но аналогия здесь не точна и не правомерна. Автотранспорт улучшает условия жизни людей, а к несчастьям приводит лишь в отдельных случаях в результате небрежности людей, несущих за это уголовную ответственность. Несчастья же, вызываемые испытаниями, есть неизбежное следствие каждого взрыва (с. 268).

По мнению Сахарова, единственная специфика проблемы ядерных испытаний в моральном аспекте — «это полная безнаказанность преступления, поскольку в каждом конкретном случае гибели человека нельзя доказать, что причина лежит в радиации, а также в силу полной беззащитности потомков по отношению к нашим действиям» (с. 268–269).

Расчеты Сахарова позволяют установить, что в результате всех ядерных испытаний на поверхности Земли и в атмосфере (которых к началу 1991 г. было проведено 489, с общей мощностью свыше 600 мегатонн) в мире погибло 5–6 миллионов человек. Это — примерно столько же, сколько было уничтожено нацистами в концлагерях. Но в данном случае речь идет о людях разных национальностей, погибших не в одном месте, а по всему земному шару (хотя, конечно, главным образом в пределах Северного полушария). Поэтому наземные и атмосферные испытания — преступление против всего человечества, хотя об этом почему-то стараются молчать. И если Кыштым или Чернобыль — это непреднамеренные катастрофы, то ядерные испытания — *преднамеренны* и тем самым преступны по самой своей сути...

Послесловие составителя

Судя по материалам, хранящимся в архиве Н. Н. Воронцова, заметки, составившие эту публикацию (за исключением дневниковых записей, сделанных в период экспедиции), были продиктованы в течение лета — начала осени 1992 г. Предельно занятый в те дни, Николай Николаевич не успел ни свести воедино, ни даже отредактировать отдельные фрагменты, напечатанные «с голоса» его помощниками. Вероятно, он (тогда как раз намечавший заняться литературной обработкой своих воспоминаний) предполагал вернуться к этой работе позднее. Ему не удалось это сделать: до инсульта, случившегося 4 января 1998 г., он, «неспособный за-

*Н. Н. Воронцов на пресс-конференции на Таити.
Март 1992 г.*

быть ничего», успел описать, по сути, лишь первое десятилетие своей жизни*. До главы «С “Гринписом” к Муруроа» оставалось еще почти полвека...

Мы уже не сможем узнать, какую точку в этой главе поставили бы память и перо самого автора: 3 марта 2000 г. Николай Николаевич Воронцов умер. Однако в незавершенности его рассказа есть своя правда: ведь не поставлена точка и в самой истории ядерных испытаний. Весной 1995 г., через два с половиной года после того, как в ноябре 1992 г. все ядерные державы, за исключением Китая, прекратили испытания, преемник Миттерана Жак Ширак объявил о намерении Франции возобновить взрывы на Муруроа. В те дни Николай Николаевич обратился к своим иностранным коллегам по Всемирной организации парламентариев за сбалансированную окружающую среду со словами, которые могут послужить эпилогом к этой неоконченной главе его яркой и внезапно оборвавшейся жизни:

16 мая 1995 г. 10 депутатов Государственной Думы России передали через посольство Франции в Москве письмо Пре-

зиденту Франции г. Жаку Шираку с призывом отказаться от одного из своих предвыборных тезисов — возобновления ядерных испытаний. Это письмо подписали все российские члены Всемирной организации парламентариев за сбалансированную окружающую среду, представляющие почти весь спектр политических сил в Парламенте: «Выбор России», «Яблоко», ДПР, Компартия, ЛДПР. <...> Фактически новый Президент Франции г. Жак Ширак ответил... объявлением о намерении провести 8 ядерных взрывов на Муруроа, начиная с сентября этого года.

Судно «Рэйнбоу Уорриор» вновь вышло к Муруроа под руководством новозеландской активистки Стефани Миллс. Я шлю привет мужественным участникам этой экспедиции.

Мне кажется, что потеряно еще не все. Я надеюсь, что политические лидеры, общественность смогут объяснить Президенту Франции, что величие Франции обеспечивается не ее ядерной мощью. Как величие России не обеспечивается чеченской войной.

До сентября еще есть время. Отказ от необдуманного решения придает державе и ее руководителю больший вес, чем последовательное проведение необдуманной политики.

* Сокращенный текст этих воспоминаний см.: *Воронцов Н. Н. Забыть не в силах ничего // Знамя. 1998. № 11. С. 130–149.*

Э. С. КАЛЯЕВА

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

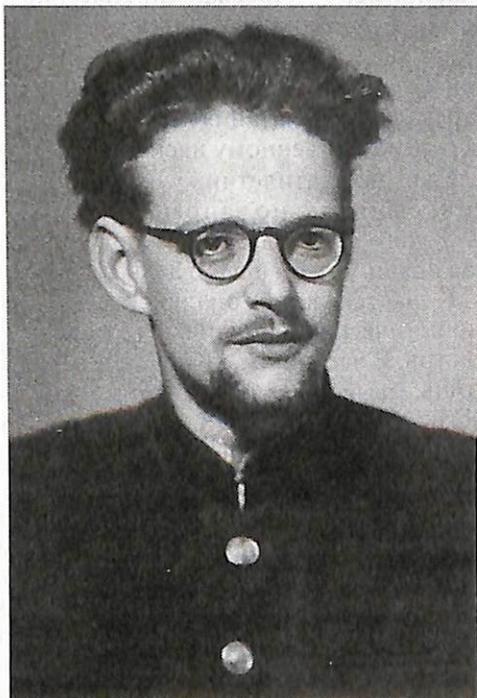
В предисловии к своей книге «Развитие эволюционных идей в биологии» Н. Н. Воронцов подробно описал свою научную родословную. Имена, в ней упомянутые, говорят не только о многочисленных учителях, которых он умел находить всю жизнь, но и о благодарном, памятьливом ученике. Следуя его примеру, я попытаюсь рассказать о самом Н. Н. Воронцове как учителе.

Мы познакомились осенью 1953 года. Мы — это несколько московских школьников, прочитавших объявление на дверях Зоомузея и записавшихся в кружок при кафедре зоологии позвоночных МГУ, которая еще находилась в том же здании (тогда — улица Герцена, сейчас — Большая Никитская). Годом позже весь биолого-почвенный факультет переехал в новое здание на Ленинских горах.

Вели кружок два студента-третьекурсника Коля Воронцов и Слава Чабовский. Но именно знакомство с Николаем Воронцовым определило дальнейшую судьбу многих кружковцев.

В те годы наиболее популярными среди московских юннатов были школьные кружки при Зоопарке (Кружок юных биологов Зоопарка — КЮБЗ) и Всесоюзном обществе охраны природы (ВООП), участники которых постоянно общались между собой. В кафедральном кружке была своя специфика. Традиционными были выезды в выходные дни «на природу» — в Лосиновостровский заказник или на биостанцию МГУ под Звенигородом. Там учились различать птиц по голосам и силуэтам в небе. По следам, помету и погрызам осваивали методы учета численности, изучения суточных и сезонных миграций животных, постигали такие понятия, как экологическая ниша, стадия переживания, биотоп. А кроме того, усваивали, что для натуралиста не существует «грязной» работы и плохой погоды. Выражаясь поэтическим языком, «состав земли не знает грязи», или, как говорили бывалые КЮБЗовцы, — «здесь вдвое дальше и вдвое гаже — пойдете здесь!» А в Москве велись регулярные практические занятия по систематике птиц и млекопитающих и лекции, которые неизменно читал Николай Воронцов.

Место для занятий кружка располагалось над залами Зоомузея, «на хорах» среди шкафов, где хранились многочисленные коробки с тушками зверей и птиц, собранными несколькими поколениями зоологов. Каждая тушка сопровождалась

Н. Н. Воронцов. Сентябрь 1954 г.